

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Кровные братья

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Кровные братья

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Кровные братья / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

У мировой знаменитости, «скрипки номер один», во время единственного концерта в Москве, в зале консерватории, пропал его «Страдивари». Фактически одновременно гибнет в явно заказном убийстве префект Центрального округа столицы, а затем совершено покушение на его приятеля – крупного бизнесмена. Дела никоим образом не пересекаются, однако А. Б. Турецкому, в руки которого передаются факты для расследования этих преступлений, остается лишь одно: самому «прожить» жизни фигурантов этого дела, чтобы найти тех, кому убийства – в прямом и переносном смысле – были выгодны.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
СТРАДИВАРИ	5
СКРИПАЧИ	7
ТУРЕЦКИЙ И АРТ-КРИМИНАЛ	32
СКРИПАЧИ (продолжение)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фридрих Незнанский

Кровные братья

Часть первая

СТРАДИВАРИ

Маленькая кавалькада стремительно и почти бесшумно летела сквозь ночь. Первым шел японский внедорожник «Хонда», за ним – два длинных и блестящих «Мерседеса», и замыкал колонну джип «БМВ». Все четыре машины были почему-то одинакового серебристого цвета, и от этого казалось, что вечерний город пронзает маленькая серебряная стрела.

– Ишь! Опять братки поехали. Джильда, ко мне! Здоровенный рыже-белый сенбернар, смешно размахивая ушами и щеками, подбежал к человеку в тулупе.

– Думаешь, братки? – Второй человек в тулупе вел на поводке маленькую таксу. – Не, Иваныч, это, наверное, артисты.

Первый закурил.

– С чего ты взял?

– Братки, они все больше на черных ездят. А эти вишь какие светлые. Не, это из артистов, кто побогаче.

– Может, сам Кобзон? Кавалькада остановилась на светофоре.

– Во! – обрадовался хозяин таксы. – Видишь, культурные. Братки бы так на красный и фигачили.

Процессия возобновила движение. Двое собачников на бульваре видели, как головная машина резко вильнула, объезжая некое препятствие, но не могли слышать, как сидящий на переднем сиденье амбал рявкнул на водителя:

– Ну ты, мудака! Не дрова везешь! Рыжий шофер с сомнением поглядел на начальника охраны, напоминавшего лицом дубовый сруб.

– Да там дохлятина какая-то на дороге, – виновато затараторил он, – наедешь, потом будешь от колес полдня отскре...

В этот момент раздался оглушительный грохот, и на секунду стало светло как днем.

– Бляха-муха! Ты видел, Иваныч? – Хозяин таксы трясущейся рукой указывал туда, где взметнулся ввысь столб пламени, разлетавшегося во все стороны полыхающими языками.

Оглушительно завизжали тормоза, и сразу много людей побежали к подбитому «Мерседесу», передняя часть которого пылала.

– Шеф, вы живы?

– Скорей вытаскивай его!

– Да звони же в «скорую», кретин!

– Быстрее, быстрее...

– Может же еще рвануть!

Вокруг горящей машины нервно суетились охранники, и только рыжий шофер «Хонды» стоял чуть поодаль с отрешенным лицом и тихонько бормотал:

– Черная кошка к несчастью. Черная кошка к несчастью.

Хорошо одетый высокий господин, явно бывший в этой компании старшим, поддерживал седовласого крепыша.

– Николай Ефремыч, вы в порядке? Целы?

– Да вроде цел, – как-то заторможенно ответил седой. – Вот только... больно... Очень больно.

Он схватился рукой за грудь и внезапно осел в снег.

– Николай Ефремыч! Коля! – Высокий, словно подрубленный, упал на колени и принялся трясти седовласого. – Вам плохо?

Но, заглянув в стеклянные глаза своего собеседника, понял, что тот уже мертв.

СКРИПАЧИ

Снежный ураган, зависший над Москвой и Подмосковьем, казалось, будет отныне бесноваться нескончаемо. Вот уже вторые сутки налетающие со всех сторон порывы ветра вздымали в воздух целые сугробы, закручивали немыслимые спирали то ли из колюче-режущих снежинок, то ли из впивающихся в кожу замерзших и почему-то заостренных капелек воды. Ладно, если бы нечто подобное творилось где-нибудь на бескрайних замороженных просторах за Норильском или Сыктывкарком. Но здесь, в средней и относительно умеренной полосе, пусть не понаслышке знающей, что такое настоящая русская зима, нынешний неистовый натиск стихии был, пожалуй, некоторым перебором.

Город, однако, пытался продолжать жить своей обычной жизнью. Естественно, что погодные сюрпризы внесли в повседневный, обыденный ритм существования гигантского мегаполиса свои коррективы. Прежде всего это конечно же сказалось на интенсивности и скорости движения транспортных потоков. Заносы, отвратительная видимость, ледяная корка на дорогах, приводящая к сползанию «юзом» при каждом мало-мальски резком торможении, а отсюда и бесчисленные наезды и столкновения... Нет, сегодня перемещение по столице за рулем автомобиля – занятие и всегда-то не отличавшееся особым спокойствием и безопасностью – стало деянием не только рискованным, но и откровенно опасным. Неудивительно, что многие из наиболее робких и неуверенных в себе автолюбителей предпочли поберечь свои любимые и драгоценные «колеса», пополнив собой толпы изначально «безлошадных» горожан, привычно штурмующих поредевший по причине стихийного бедствия примерно на три четверти общественный транспорт.

В общем, вакханалия! И лишь brave, лихие и неизменно наглые таксисты искренне наслаждались сложившейся ситуацией, используя ее с максимальной для себя выгодой. Это ли не кайф! Транспорт стоит, извечные конкуренты – многочисленные частные стрелки-извозчики-перевозчики – прячутся по своим норам, сограждане промерзли и задубели до абсолютно невменяемого состояния. Самое время взвинтить и всегда-то неумеренно назначаемые суммы до совершенно заоблачных высот. Гуляем, ребята!

Но крупного, импозантного, седовласого мужчину, удобно и вальяжно расположившегося на заднем сиденье темно-синего «Вольво», если и волновала дорожная ситуация в столице, то лишь с точки зрения бесконечно возникающих пробок и поистине черепашной скорости передвижения. Впрочем, честно говоря, будучи и достаточно опытным, и умелым, и временами даже, возможно, чрезмерно напористым и дерзким водителем, сегодня он был искренне рад, что не надо самому напрягаться за рулем, а можно полностью положиться на мастерство признанного министерского аса Сережи Хворова, в прошлом достаточно успешного раллиста. В машине было жарко.

– Сереженька, – мужчина распахнул свою меховую шубу с пышным воротником-шалью, напоминающим нечто из времен Островского – Станиславского, выходящих откушавшими из «Славянского базара», – а нельзя ли немного поумерить нашу пустыню Сахару? Вы как, Николай Родионович, не замерзнете?

Последняя фраза была обращена к соседу по просторному кожаному сиденью, аккуратному и подчеркнуто деловому человеку лет сорока.

– Нет-нет, Юрий Васильевич, все в порядке, я и сам хотел о том же попросить.

– Запарились, Васильевич? Сию минуту. – Сережа покрутил ручки системы микроклимата, и по машине потекла струя живительного свежего воздуха.

– Фу, слава богу! Хоть немного отдышаться можно! Черт меня дернул натянуть сегодня этот раритет! Лет десять, поди, уже не надевал. Ну холодно, конечно, но не до такой же степени!

– Знатное у вас одеяние, Юрий Васильевич! Шуба просто-таки боярского достоинства! – Сережа не отличался молчаливостью и при случае готов был чесать языком беспрестанно. Но атмосферу и настроение пассажиров угадывал безошибочно и без труда сдерживал свою словоохотливость, когда чувствовал, что пустопорожняя болтовня неуместна. За что – в сочетании с отличными профессиональными качествами, разумеется, – и ценился начальством.

– Подарок от тружеников Заполярья. Лет уж тридцать, поди, с тех пор прошло.

– Да что вы говорите!

– Ну да. Мы мотались тогда по Северу с шефскими концертами. Дело было зимой, мороз – от сорока до пятидесяти в среднем. А я явился в моднучем в ту пору финском демисезонном пальто.

– Ну-ну...

– А что «ну-ну». У меня ничего более теплого и не было в то время. Да и не нужно было. Для Москвы хватало.

– Представляю, как вам было приятно!

– Ну местные ребята посмеялись для начала, а потом выволокли из каких-то своих загашников вот это вот произведение полярного искусства.

– Историческая вещь!

– Не говори! Сережа, мы ведь опаздываем!

– Не беспокойтесь, Юрий Васильевич. Нам лишь бы из города выбраться.

Из города наконец вырвались. Но легче не стало. Сплошная снежная пелена, хоть частично разбивавшаяся о многоэтажные городские сооружения, в чистом поле сгустилась в непробиваемое никаким дальним светом – а уж у «Вольво» он был не менее мощным, чем у каких-нибудь пограничных катеров береговой охраны – зыбкое и обманчивое туманно-кружащееся марево. Кроме того, начинало темнеть.

– Да-а-а, погодец, однако. – Чувствовалось, что Сергей, обычно элегантно и даже небрежно восседавший на своем месте, сегодня предельно сосредоточен и напряжен. – А их точно примут-то в такую метелюгу, а, Юрий Васильевич?

– Сережа, не отвлекайтесь, пожалуйста, – подал голос пассажир чиновного вида, которого именовали Николаем Родионовичем. – Я лично разговаривал с начальником службы информации Домодедова, и он совершенно однозначно уверил меня, что рейс «Бритиш эруэйз» непременно будет принят, правда с некоторым опозданием.

– Понял, – буркнул Сергей и, почувствовав, что сейчас именно тот случай, когда его словесные сентенции никого, в общем-то, не интересуют, накрепко закрыл рот и впился в руль еще более жесткой хваткой.

Действительно, сегодня не только Николай Родионович Попов – старший референт заместителя министра культуры, человек от природы немногословный и сдержанный, постоянно опасавшийся к тому же ненароком вылетевшим вольным и живым словом уронить свое государственное достоинство и предпочитавший поэтому, как и многие чиновники среднего ранга, беседовать лишь заранее заготовленными и отредактированными фразами, – хранил привычное ему значительное молчание, но и, как правило, общительный, говорливый и доброжелательно любезный Юрий Васильевич Владимирский, народный артист России, лауреат всех мыслимых и немыслимых премий, профессор десятка академий и университетов, художественный руководитель и главный дирижер Государственного академического симфонического оркестра «Москва», с удовольствием посидел бы в тишине, полностью отдавшись своим мыслям и воспоминаниям.

А вспомнить в связи с предстоящей встречей Юрию Васильевичу было что. И не потому, что в Москву после почти четвертьвекового отсутствия прилетал не просто один из величайших скрипачей нашего времени, – к величию Юрий Васильевич относился спокойно, вероятно, потому, что и сам был одной из непревзойденных «первых скрипок мира», – а потому,

что этим желанным, долгожданным, но сегодня уже во многом загадочным зарубежным гостем был лучший друг его детства, юности, молодости Герка Райцер.

Когда Юрию Васильевичу случалось проезжать мимо огромной серо-каменной громады в районе метро «Новокузнецкая», в сердце его непроизвольно что-то «екало»: «отчий дом». Массивное шестиэтажное сооружение, возведенное на рубеже девятнадцатого – двадцатого веков, не отличалось особыми архитектурными достоинствами, но и по прошествии более чем полувека выглядело солидно и внушительно. Давно рассеялись по миру, а в большинстве своем и вообще завершили свое земное существование те, кому предназначалось жить в этих роскошных шести-семи-восьми и более комнатных квартирах: состоятельные московские адвокаты, врачи, хорошо оплачиваемые государственные служащие, артисты. Их роскошные апартаменты превратились в зачуханные коммуналки, в склочные «вороньи слободки», а дом... Дом продолжал оставаться несокрушимым, уверенным в своей мощи и значительности.

Впрочем, понятие «отчий дом» в случае Юры Владимирского было чисто номинальным. Правильнее было бы говорить о «материнском доме». Юра жил вдвоем с мамой. Когда настало время задавать сакраментальные вопросы: «А кто мой папа?», «А где он?» – следовали банальные отговорки: «На работе», «В длительной командировке»... Смутно вспоминался Юрию случайно подслушанный сквозь сон диалог мамы с бабушкой, его любимой «бабусей Таней», изредка наезжавшей к ним из Ярославля: «Ленка, ну не сходи ты с ума! Ну зачем тебе связываться с этим прилизанным обормотом! Ведь твой же Васька засыпает тебя письмами, телеграммами, мечтает вернуться...» – «Мама, того, как он со мной поступил, я ему никогда не прощу!» – «Ну и дура! В любом случае лучше уж свой подлец, чем чужой!»

Судя по всему, и своего подлеца не простили, и чужой не состоялся. Через некоторое время мама сообщила Юре, что отец погиб, работая в какой-то геолого-разведочной экспедиции, и больше к этой теме никогда в жизни не возвращалась.

Леночка Владимирская, в девичестве Локтионова, вступала в жизнь с мечтой о сцене. Начало сценической карьеры было весьма успешным: несколько удачных эпизодических выходов, две-три роли второго плана, отмеченные вполне благосклонными оценками, и... Дальше что-то не заладилось. То ли несвоевременное для сценической дебютантки замужество и последовавшее через положенный срок рождение ребенка, то ли недостаточная профессиональная подготовленность, то ли... ну что уж там греха таить – мама его, самая любимая, единственная, лучшая в мире, особым актерским дарованием не отличалась.

Но, принадлежа к той особой категории людей, которые, единожды вдохнув пыль театральных кулис, никогда уже не могли отрешиться от этого наркотического дурмана, Леночка Владимирская не оставила театр. Так началась ее работа в театральных пошивочных мастерских. Ну а поскольку руки у Леночки оказались поистине «золотыми», к шитью вскоре добавились и бутафорские поделки, отличавшиеся изяществом и остроумием.

Увы, любовь к театру на уровне пошивочного, а по совместительству и бутафорского цехов оплачивалась крайне мизерно. Леночку ценили, ее работа постоянно отмечалась благодарностями в приказах, не было случая, чтобы ее обошли ежеквартальной премией. Но жить на эти деньги одной с ребенком было невозможно. И потому большую часть свободного времени, проводимого дома, – а его было очень и очень немного – в комнате стрекотала швейная машинка. «Леночка, да бросьте вы свою грошовую работу! Вы же портниха божьей милостью! У вас же от заказов отбоя не будет! Ну зачем вам тратить время на эти дурацкие царские камзолы за копеечную оплату!» – клиентки, долгими месяцами выстаивавшие очередь к широко известной в артистических кругах Владимирской, искренне желали добра и ей и себе. Но Лена упорно не соглашалась расставаться с театром, прекрасно понимая, по-видимому, что без театра, без его призрачного, фантастического, нереального, но прекрасного мира вся ее и без того не слишком богатая событиями жизнь окончательно замкнется в четырех стенах,

что расплатой за большее материальное благополучие станет полное одиночество, в котором, кроме стрекота швейной машинки и Юркиных болячек, не останется решительно ничего.

О том, как они с мамой «крутились» в его младенчестве, у Юрия Васильевича остались очень смутные воспоминания. Ни в какие ясли или детские сады он никогда не ходил. Иногда на несколько дней приезжала «бабуся Таня», иногда – когда у мамы была особенно напряженная предпремьерная «запарка» – его отвозили в Ярославль, изредка с ним сидели какие-то девчонки-студентки – зачаточные явления столь распространенного сегодня «бэбиситтерства»... А большую часть своего детства Юра, как и многие другие «театральные» дети, провел за кулисами. И естественно, что у него, как и у других юных «сынов театра», в полной мере процветал комплекс «двойственных стандартов». Сидя в зале и эмоционально сопереживая героическим подвигам какого-нибудь Ивана-солдата, сражающегося со страшным, безжалостным Кощеем, Юра никогда не забывал, что скелетоподобный Кощей, стерева свой жуткий грим и сняв устрашающий костюм – сшитый, кстати, мамой, – превращался в добродушнейшего дядю Колю Семенова, чьи карманы вечно были набиты конфетами, которыми он щедро одаривал юную закулисную публику.

Театр, в котором служила Елена Владимировская, не располагал собственным оркестром. Спектакли шли под фонограмму. Но было несколько постановок, для участия в которых привлекались «живые» музыканты, ансамбль из шести – восьми человек. И если даже на простых репетициях Юра мог часами просиживать в темном, пустом, таинственном и сказочном зрительном зале, то уж с репетиций музыкальных его невозможно было выманить никакими калачами.

Упорного и терпеливого слушателя вскоре заметили.

– Мальчик, а поди-ка сюда. – Первая скрипка – крупный бородатый дядька с веселыми и озорными глазами – доброжелательным приглашающим жестом назвал Юрку на сцену. – Ну что, нравится тебе, как мы играем?

– Очень.

– О как! Ну спасибо. А ты кто ж такой будешь?

– Я? Юра Владимировский.

– Понятно, что Юра. Но все-таки...

– Это сын нашей заведующей пошивочным цехом, – откуда-то из театральных недр прогудел голос помощника режиссера.

– Вот оно что. А годков-то тебе сколько?

– Шесть лет, четыре месяца и двенадцать дней.

– Вот здорово! Ты что же, каждый свой новый день считаешь?

– Конечно.

– А зачем?

– Мама сказала, что, когда мне исполнится семь лет, я стану совершенно взрослым.

– Теперь все ясно. А скажи мне, Юра Владимировский, ты ведь тоже, вероятно, играешь на каком-нибудь инструменте?

– Нет.

– А почему?

– Ну я же не умею!

– Вот оно что. Это бывает, но иногда проходит. Ну а петь-то ты умеешь?

– Нет.

– И петь не умеешь? Вот те раз. Совсем-совсем не умеешь?

– Ну я не знаю. Дома я иногда пою. Ну а в театре не пробовал.

– А если попробовать?

– Хорошо. А что спеть?

– Да что хочешь, что тебе больше нравится. «Родина слышит, родина знает»... – звонкий мальчишеский голос с великолепной интонацией, с естественной и гибкой фразировкой без напряжения заполнил собой весь идеальный в акустическом отношении старинный театральный зал.

Юра пел громко, самозабвенно, с огромным удовольствием и, разумеется, совсем даже не видел, как с каждой следующей фразой все больше и больше вытягивались лица и первого скрипача, и всех музыкантов ансамбля.

Впервые в жизни Юра услышал адресованные именно ему аплодисменты. Это было приятно. Не аплодировал лишь главный его собеседник, бородатый скрипач. Наоборот, он посматривал на Юру как-то озабоченно и даже встревоженно.

– Молодец. А говорил, что не умеешь. Ну а вот эту песенку, – он наиграл на скрипке какую-то довольно замысловатую мелодию, – сможешь спеть?

– Нет.

– Почему?

– Ну я ведь слов не знаю.

– А ты без слов, просто: ля-ля-ля-ля или а-а-а-а... Как тебе удобнее.

– Тогда смогу.

– Хорошо. А теперь вот это... Отлично... А в ладоши можешь прохлопать то, что я тебе сейчас сыграю?.. Прекрасно. А дай-ка мне, Юра Владимирский, свою левую руку...

«Это еще зачем? И чего он там мнет и давит?»

– Больно?

– Да нет.

– Угу. Так, значит, мама работает здесь же, в театре?

– Ну да. На третьем этаже.

– А пойдем-ка познакомимся с ней.

– Нет. Нельзя. Она велела до обеда на глаза ей не показываться.

– Что так?

– У нее запарка.

– А-а-а... Ну, может быть, вдвоем она нас все-таки не прогонит?

У Леночки Владимирской и действительно была предпремьерная горячка: выпуск спектакля на носу, ничего не готово, художник, что ни час, вносит в костюмы новые и новые детали... Не до Юрки.

– Елена, простите, не знаю, как вас по отчеству...

– Можно просто Лена.

– Ага. Спасибо. Так вот, просто Лена, с прискорбием должен вам сообщить, что ваш сын...

– Господи! Что случилось? Что ты там натворил?

– Да ничего он не натворил! Что вы так пугаетесь, в самом деле?

– Тогда что же...

– ...что ваш сын – ребенок чрезвычайной музыкальной одаренности.

– Но... Не понимаю. Хорошо. Но почему же с прискорбием?

– Потому что, направив мальчика на стезю профессионального музыканта, вы обречете его на каждодневный каторжный труд.

– Позвольте...

– Увы. Не позволю. И не позволю, потому что если вы этого не сделаете, то совершите преступление и перед ним и, не побоюсь красивых и высокопарных слов, перед всем музыкальным искусством. Такими талантами не разбрасываются.

Так в жизнь Юры Владимирского вошла скрипка. А возможно, правильнее – хоть это и звучит несколько излишне возвышенно – было бы сказать: с этой минуты скрипка стала жизнью и судьбой Юрия Васильевича.

Занятия с дядей Женей – Евгением Семеновичем Смирновым – происходили весьма нерегулярно. То они встречались почти каждый день, проводя в совместном общении по несколько часов, то вдруг наступал длительный перерыв... «Мама, а когда у меня будет следующий урок?» – «Скоро. Евгений Семенович болеет».

Чем именно болел Евгений Семенович, Юру в ту пору не интересовало. Лишь по прошествии многих лет, вспоминая затуманенный после болезни взгляд своего первого учителя, его подрагивающие руки, общую неуверенность в движениях, повзрослевший и уже набравшийся некоторого жизненного опыта молодой человек смог поставить соответствующий диагноз. И это тоже послужило для него хорошим уроком. Нет, убежденным трезвенником Юрий Васильевич не стал. Выпить изредка рюмку хорошего коньяка, стаканчик очень дорогого виски, бокал-другой высококачественного вина – всегда с удовольствием. Но больше того – ни-ни! Предельная сдержанность и великолепно развитое чувство меры.

От оплаты за свои уроки Евгений Семенович категорически отказался. «Видите ли, дорогая Леночка, педагогика – не та сфера деятельности, в которой я хотел бы зарабатывать себе на кусок хлеба. Да, честно говоря, я и не люблю ею заниматься. Это – раз. Во-вторых, если я иногда и даю какие-то уроки или консультации, то это лишь сугубо для своих: детей актеров, музыкантов, просто друзей. А брать деньги со своих – фи! А в-третьих, если взять конкретно наш случай, то еще очень большой вопрос: кто кому должен платить: вы мне за мои скромные советы или я вам за счастье заниматься со столь незаурядным ребенком. И будем считать, что эту тему мы закрыли навсегда!»

Изредка Евгений Семенович приезжал к ним домой на «Новокузнецкую». Но большей частью уроки проходили в театре. В смысле помещений тут было огромное разнообразие. Как правило, они занимались в артистических гримерках. Но случалось и забиваться в какие-то потаенные мини-комнатушки, в которых Евгению Семеновичу – мужчине достаточно крупного телосложения – приходилось буквально вжиматься в стены, чтобы освободить Юре хоть какое-то пространство и дать возможность водить смычком по струнам с требуемой широтой и свободой. Но настоящим праздником были уроки на большой сцене в те редкие дни и часы, когда она была свободна. Первое время Юра очень робел и зажимался, оказавшись один на один с огромным темным зрительным залом, откуда изредка звучали направляющие реплики учителя. Но потом вошел во вкус и, его бы воля, вообще занимался бы только на сцене. «Великолепная практика для молодого музыканта, – восторженно гудел дядя Женя, – артист с самых первых шагов должен постоянно находиться на сцене. Сцена – его мир, его дом!»

Постепенно выработался и определенный распорядок дня. С утра и до обеда Юра, как правило, крутился в театре. Потом мама выкраивала часок-полтора, чтобы отвезти его домой. Первое время необходимость оставлять даже еще не семилетнего ребенка одного дома серьезно беспокоила Леночку Владимирскую, но, убедившись, что Юра действительно не склонен ни к каким экзальтированным детским выходкам, а в самом деле много и увлеченно занимается на скрипке, она постепенно успокоилась. Кроме того, и добродушнейшая Аглая Степановна, одна из соседок по квартире, всегда с удовольствием готова была проследить за серьезным и симпатичным мальчишкой, разогреть ему ужин, приготовить чай.

Дом, в котором проживали Владимирские, по форме представлял идеально симметричную букву «П». Разумеется, между поперечными перекладинами-крыльями этого самого «П» размещался двор. Стараниями домоуправления и самих жильцов он был весьма благоустроен и ухожен. В центре располагалась красивая узорчатая беседка, слева – детская площадка с песочницей, качелями, какими-то замысловатыми горками, через газон с многочисленными цветочными клумбами были проложены аккуратные заасфальтированные дорожки. Естественно,

зимой все это великолепие заносилось снегом. Но даже и тогда добросовестный и малопьющий дворник дядя Сева умудрялся придать двору весьма культурный и цивилизный вид. В одну из зим середины пятидесятих жильцы при поддержке домоуправа предприняли беспрецедентную спортивно-культурную акцию. (Надо сказать, что населен был дом какими-то нетипичными для шумных и разнузданных коммуналок обитателями. Ни тебе бесконечных склок, ни мордобоя, ни выливания помоев на головы зазевавшихся соседей...) Так вот. Одно из воскресений энтузиасты провели с лопатами и метлами в руках, с изрыгающим струи воды шлангом – к концу дня во дворе был залит самый настоящий каток.

Первыми оценили свалившуюся на их головы радость малыши. Ближе к вечеру в свете раскачивающихся тусклых фонарей по льду скользили уже особы подростково-юношеской возрастной категории. Даже кое-кто из взрослых – особенно из занятых сидячей работой – с удовольствием разминал отсиженные на служебных местах мышцы и косточки.

Идиллия продлилась три-четыре дня. А потом о наличии шарового катка стало известно окрестной шпане. И началось. Первое время чужаки вели себя тихо. Но надолго их терпения не хватило. И вот уже завихрился мат-перемат, посыпались зуботычины, а кое у кого в руках начали поблескивать и ножички. В то время еще не было широко принято пасовать перед наглым хулиганьем и робко отсиживаться за закрытыми на все замки дверьми. Крепких мужиков, да еще с сохранившимися фронтовыми навыками, в доме хватало. Двух-трехминутное выяснение отношений – и держащая в напряжении всю округу и действительно опасная своей масовостью и стадным инстинктом пришедшая шантрапа, утирая сопли вперемешку с кровью, но не переставая при этом выкрикивать самые жуткие угрозы, ретировалась с поля боя.

Ну а дальше что? Устанавливать ежедневное дежурство? Попробовали. Но жизнь есть жизнь с ее текучкой и повседневными заботами. Кто-то в вечер дежурства задержался на работе, кто-то уехал в длительную командировку, кто-то оказался нездоров... Воинственные гости, надо сказать, несмотря на все свои жуткие угрозы, так больше ни разу и не появились, по-видимому, полученный урок был достаточно впечатляющим. Но поди же знай! Так замечательное начинание, не продержавшись и месяца, как-то само собой завяло. Вновь весь двор заметало снегом, который добросовестный дядя Сева сгребал в огромные сугробы, оставляя для прохода лишь узкие тропинки.

И тот же неугомонный дядя Сева становился первым провозвестником наступающей весны. Еще не успевали дотаять последние сугробы, еще подмораживало в вечерние часы, а к утру весенние лужи затягивало прочной коркой льда, а дядя Сева – негласный председатель негласного клуба дворовых доминошников – уже стучал «со товарищи» костяшками домино по непросохшим столешницам. Поначалу терпеливые и морозоустойчивые участники этих турниров все еще кутались в зимние тулупы и ватники.

Но с каждым днем солнышко пригревало все больше и больше, и соответственно все более и более облегчалось «спортивное обмундирование» заядлых игроков.

Вот уже и первая малышня закопошилась в песочнице, и первая «полуподснежная» зелень появилась на газоне... А вскоре начали раскупориваться и распахиваться заклеенные наглухо на зиму окна.

Елена Владимировская, живущая в постоянном цейтноте, конечно же не в числе первых выбрала время, чтобы отодрать широкие бумажные ленты, удалить остатки клейстера и грязной прошлогодней ваты, которой были заткнуты щели в разошедшихся рамах, и начисто вымыть и протереть заляпанные дождями и снегом стекла. Но в конце концов свершилось! И все окна комнаты Владимировских – а они были огромны и располагались в объемном, чуть ли не метровой глубины, эркере – распахнулись навстречу весеннему воздуху. И, разумеется, с этой минуты Юрина скрипка зазвучала на весь двор.

– Тю, это что тут у нас еще за Паганиня выискалась? – Излишне образованный дядя Сева с искренним изумлением воззрился на открытое окно.

– Да это, вероятно, рыженький еврейчик, докторский сынок. Он с утра до ночи на скрипке пиликает. – Сантехнику Гоше, обитателю полуподвальной каморки, увлеченному игрой, некогда было смотреть по сторонам; зажав в могучей лапе оставшиеся костяшки, он продумывал эффектный заключительный ход.

– Нет, это не докторский пацан. Они в левом крыле живут. А это – справа.

– Рыба! – Гоша с такой силой хряпнул последней доминошкой по столу, что все выложенные раньше косточки подскочили чуть ли не на полметра. – Доктор этот, кстати, классный ремонт у себя заделал. Так все перестроил, что любо-дорого. У него и вообще теперь получилась изолированная квартира, целых четыре комнаты!

– Ну уж эти-то умеют устраиваться! За них не беспокойся!

– Брось! Доктор – клевый мужик. И жена у него вежливая. Заскочишь на пару минут, ну там крантик подкрутить, прокладочку поменять – считай, рублик-другой у тебя уже в кармане. Да и рюмочку еще поднесут.

– Подумаешь: рюмочку! У него этой спиртяги шаровой – немерено!

– Ну мерено или немерено – не наша забота. А когда к тебе с уважением – не просто стакан граненый в нос суют, а в красивой рюмочке, да на подносыке, да с огурчиком-помидорчиком, а то еще и с бутербродиком с селедочкой – приятно! Человеком себя чувствуешь!

– Ну ладно тебе. Ходи!

– Нет. Это не докторский сынок. Тот совсем рыжий. А этот беленький.

– Точно. Это Владимирской мальчишка, Елены Васильевны.

– Вот же загадки природы! Такая красивая баба, а все одна, одна...

– Ну а ты-то чего теряешься?

– Да кончай ты!

– Ходи уже наконец!

Окончательным сюрпризом для всей честной компании стало широко распахнувшееся через пару дней окно и в левом крыле, откуда тоже понеслись звуки скрипки.

– Ну не двор у нас, а настоящая хфилармония. Хоть билеты продавай!

– Вообще-то это есть нарушение общественного порядка: шуметь по вечерам и не давать людям культурно отдыхать. – Сева сегодня постоянно проигрывал и был сильно не в духе.

– И никакого нарушения тут нет. Время – детское. Пиликай сколько хочешь.

– Ладно. Я еще с участковым на эту тему побалакаю.

Но, разумеется, ни с каким участковым Сева разговаривать не стал, понимая, что он в своих претензиях кругом неправ. Более того, привыкнув за несколько дней к скрипичной стереофонии – звуковой эффект, совершенно еще не получивший широкого распространения в то время, – Сева даже начал ощущать определенную недостаточность, если в какой-то из вечеров звучала лишь одна скрипка или, тем паче, в сверхмузыкальном дворе вдруг вообще воцарялась полная тишина.

А мальчишки развлекались, как могли. Практически не видя друг друга – их окна располагались сильно по диагонали, да и двор был совсем не маленьким, – они с удовольствием перекидывались музыкальными пассажами: «А я вот так умею!» – «А я могу еще быстрее!» – «А вот сыграй чисто эту ноту!» – «Ага, фальшиво!» – «Сам ты фальшивишь! А вот так!..» Временами заочное соревнование прерывалось и начинал звучать сложенный дуэт, когда кто-то один начинал играть разучиваемую пьеску, а второй тут же подхватывал знакомую мелодию и обе скрипки сливались в сложенном унисоне.

Юре редко случалось бывать во дворе. Как правило, они с мамой стремительно пробегали его наискосок, вечно куда-нибудь торопясь. Единственное самостоятельное действие, которое Юре разрешалось, – поход к расположенному на углу киоску с мороженым. Сегодня эскимо было сильно подтаявшим. Не обращая внимания на сладкие и липкие руки, на пятна, которыми

он уже успел украсить курточку и штанишки, Юра был озабочен лишь одним: успеть доест мороженое, не уронив его.

– Это ты играешь на скрипке вон в том окне?

Подняв голову, Юра на мгновение утратил бдительность, и тут же недоеденное эскимо сорвалось с палочки и шлепнулось на землю. Перед ним стоял рыжий вихрастый мальчик, чуть выше его ростом, со скрипичным футляром в руках.

– Ну вот. – Юра был явно огорчен.

– Извини, я не хотел.

– Хотел – не хотел... А до-диез во второй октаве у тебя всегда звучит фальшиво!

– Врешь!

– Я вру?

«Творческий» конфликт медленно, но верно начинал перерастать в прелюдию к нормальной мальчишеской потасовке, но в этот момент из подъезда появилась высокая, стройная, элегантная, очень куда-то торопящаяся дама.

– Гера, что происходит?

– Он говорит, что у меня до-диез фальшивый.

– Бывает иногда и фальшивым. А ты кто, мальчик?

– Я – Юра Владимирский.

– Он играет на скрипке вон в том окне.

– Так это ты там занимаешься! Очень приятно! Вот что, мы сейчас торопимся, даже уже опаздываем на урок. А завтра, ну часика в три, приходи к нам, хорошо? Познакомьтесь поближе, поиграете и на скрипках, и просто так. Договорились?

– Я не знаю. Как мама...

– Ну, я думаю, мама не будет против, если ты скажешь, что идешь к товарищу-скрипачу. Мы живем вот в этом подъезде на четвертом этаже. Фамилия наша Райцер. Там на двери есть табличка. Гера, а ты чего молчишь?

– Ну приходи, ладно уж, только до-диез...

– Хватит вредничать! Нашел тоже повод для ссоры! Так мы ждем тебя, Юра Владимирский!

Юрий Васильевич настолько ушел в свои воспоминания, что резкий рывок машины вправо и столь же резкое торможение стали для него полной неожиданностью.

– Что вы делаете, Сережа! – истошно завопил побледневший Николай Родионович.

– Блеск, Сережа, – включившийся в дорожную ситуацию Юрий Васильевич по достоинству оценил мастерство водителя, сумевшего не только избежать цепного столкновения, но и, резко свернув, обезопасить себя от наезда сзади, – мне бы такую реакцию.

– Ну, Юрий Васильевич, те, кто с вами ездил, говорят, что уж вы-то...

– Как умею, как умею... Но чтоб вот так вот... Нет, так не смогу. Николай Родионович, не волнуйтесь, мы в надежных руках. Кстати, что там у нас со временем? – И, дождавшись информации, полученной Николаем Родионовичем от автоответчика: – Сорок пять минут до посадки? Как, Сережа?

– Тютелька в түтельку успеваем, Юрий Васильевич.

– Черт его знает! Все у нас в Расее через одно место делается! Ну кому, интересно, пришло в голову, что именно Домодедово – самый далекий от города аэропорт – должен стать главными воздушными воротами страны?

– Но зато как реконструировали, Юрий Васильевич!

– Реконструировали классно! Ничего не могу сказать. Но дорога...

– Да нет, вы неправы, Юрий Васильевич. Много уже сделано, связь с аэропортом уже прилично налажена, а в проектах...

– Николай Родионович, вы мне эти официальные фантазии не пересказывайте, пожалуйста, я их и так прекрасно знаю. Но даже если и построят что-нибудь сверхмодерновое – хоть на магнитной, хоть на воздушной, хоть на подводной подушке, – серьезных гостей все равно надо будет встречать на машинах, а следовательно, всегда придется отмеривать все те же километры. Вас, с вашим служебным положением, это, между прочим, касается в первую очередь. Я-то что? Я при вашем министерстве – человек случайный.

– Ну вы уж скажете, Юрий Васильевич!

– А и скажу. Слава богу, представительские функции пока еще не моя основная профессия.

И вновь все погрузились в молчание.

...Разумеется, мама не возражала против визита к Гере Райцеру. О семье доктора она была наслышана – вероятно, со слов все той же вездесущей и общительной Аглаи Степановны – как о людях достойных и интеллигентных. «Только не очень долго, Юрок, хорошо? Не надо надоедать людям».

И на следующий день Юра – скрипку с собой он все-таки не взял – в растерянности топтался возле большой, фигурно обитой черным дерматином двери, на которой красовалась блестящая табличка «Профессор В. Н. Райцер, отоларинголог, фониатр». Проблема заключалась в том, что звонок находился на недосягаемой высоте, а на мягкой двери не было ничего подходящего, по чему можно было бы постучать.

Внезапно дверь распахнулась.

– Что же ты не заходишь? – Герина мама приветливо улыбалась. – Ах да, звонок... Все время забываю заказать еще одну кнопочку, пониже. А я видела тебя в окно, вроде бы вошел в наш подъезд, а потом тебя нет и нет. Ну, думаю, неужели такой сообразительный мальчик мог заблудиться? Проходи, пожалуйста!

Так Юра Владимирский впервые вошел в дом, который на долгие годы стал ему близким и родным.

И чем только они не занимались в этот первый день многолетней дружбы: играли на Гериной скрипке и в шахматы, устроили настоящее сражение игрушечными солдатами и пили чай с вкуснейшими пирожками с картошкой... Взаимная симпатия возникла с первых же минут, и конечно же мальчишки интуитивно почувствовали, что нарушить эту возникшую близость обсуждением каких-то там фальшивых нот – глупо и неуместно. Куда важнее то, что им было хорошо и интересно вместе.

Расстались лишь тогда, когда уже по-серьезному начали стучаться сумерки, и расстались, договорившись обязательно встретиться завтра. С тех пор это вошло в систему: при каждом удобном случае – сразу же к Герке. Мамы не возражали. Выставлялось лишь одно условие: предварительно необходимо было отзаниматься на скрипке положенные часы.

Семья Райцер была хорошо известна в московских театральном-музыкальных кругах. Этому способствовало и место службы Евгении Георгиевны – концертмейстера вторых скрипок в Музыкальном театре, – и, главным образом, огромная профессиональная популярность Виктора Наумовича, считавшегося в своей области крупнейшим специалистом. Знаменитые артисты, певцы, все, чья профессиональная деятельность была связана с голосом, буквально боготворили Виктора Наумовича. «Райцер поможет». «Райцер выручит». «Райцер...» Случалось, что и партийные функционеры – из тех, что рангом пониже, но кому все-таки приходилось зачитывать длиннющие доклады, – обращались к помощи профессора Райцера. (Высший партийный эшелон дикция, постановка голоса и членораздельность произносимых текстов, естественно, не волновали: что и как они там набормочут – не их проблема: ко всему прислушаются, поймут, примут к исполнению.)

Вполне понятно, что такая широкая известность предполагала могущественных покровителей. И они у Виктора Наумовича были. Лишь легким холодком повеяло на профессора

Райцера во время пресловутого дела о «врачах-отравителях». Подуло и тут же было отведено в сторону вмешательством влиятельного и не побоявшегося за свою репутацию значительного лица. Вполне реальными для профессора были и определенные житейские блага, недоступные простым смертным. Так, Виктор Наумович вместе со своим соседом, профессором-эндокринологом Суровцевым, сумели добиться разрешения на кардинальную перестройку семикомнатной коммуналки – вещь совершенно немыслимая в те годы, – в результате чего каждый из них получил по изолированной квартире. Да и материальное положение семьи было уверенным и стабильным. Достаточно сказать, что профессор Райцер, покатавшись несколько лет на «Победе», одним из первых пересел на только-только начавшую появляться «Волгу», доставшуюся, особенно на первых порах, ну уж самым-самым избранным из избранных.

У Геры была очень маленькая, но своя собственная комната. И, что невероятно удивляло Юру, Герины мама, если дверь в комнату была закрыта, перед тем как открыть ее, обязательно стучала. Впрочем, удивительных для Юры вещей в этой семье было немало.

Прежде всего, Геру по-настоящему звали вовсе не Гера, а Геральд. «Меня называли в честь дедушки, маминого папы. Он умер за несколько месяцев до моего рождения. Он тоже был скрипач и учился у самого Леопольда Ауэра». – «А почему тогда твою маму зовут Евгения Георгиевна?» – «А она вовсе не Георгиевна, а Геральдовна. Но это очень трудно произносить. Вот мама и придумала себе что-то похожее, но попроще. А папин дедушка вообще был раввином в Вильнюсе». – «А кто такой раввин?» – «Ну это священник, только у евреев». – «А кто такие евреи?» – «Народ такой. Как русские или украинцы». – «А ты тоже еврей?» – «Я – нет. Я русский. У меня и папа и мама – русские. Вот папа у дедушки был еврей, а мама – датчанка. А ты?» – «Что я?» – «А ты кто?» – «Не знаю. Русский, наверное». – «А дедушка Геральд был вообще норвежец. А мамина мама – литовка. Здорово, правда?» – «Здорово!»

Но конечно же вовсе не одни только генеалогические изыскания занимали большую часть мальчишеского времени. Первый и главный вопрос – поступление в ЦМШ, Центральную музыкальную школу при Московской консерватории. А в том, что мальчишкам необходимо учиться именно там, твердо были уверены оба их педагога, и Юрий Евгений Семенович, и Геркин Станислав Сергеевич, аспирант Московской консерватории. Однако если в семье Райцеров этот вопрос был давно решен и дальнейшему обсуждению уже не подлежал, Елена Васильевна Владимирская испытывала определенные сомнения.

– Женя, ведь мы, фактически, навязываем сегодня мальчику совершенно определенный жизненный путь. Да, конечно же в десятилетке учат музыке как нигде, конечно же это высочайший профессиональный уровень. Но ведь не секрет, что эта ранняя специализация сказывается на общем уровне образования, что все основные на сегодняшний день предметы: математика, физика, химия – проходятся достаточно поверхностно. А что, если через несколько лет он заявит: да знать я не желаю эту вашу скрипку! И что потом?

– Леночка, вопрос резонный. И если говорить о ребенке средней одаренности или даже выше средней – все подобные сомнения разумны и актуальны. Но Юра – фантастически талантлив! Скрипка, не скрипка – неважно! Он – музыкант по своей природе, по своей сути. Это – его дорога. И мы просто-таки обязаны помочь ему выйти на эту дорогу как можно раньше!

Трудно сказать, что подействовало больше: убедительность ли аргументов Евгения Семеновича, созревшее ли уже в глубине души решение, разумность которого требовала лишь дополнительных формальных обоснований, но вскоре документы Юры Владимирского, вместе с бумагами Геральда Райцера, лежали в приемной комиссии ЦМШ.

Вступительные испытания мальчишки преодолели весело, легко и даже небрежно. Опытнейшим педагогическим «зубрам» Центральной музыкальной школы не потребовалось много времени, чтобы оценить степень талантливости двух «клопов», которые в свои семь лет играли уже на уровне хорошего пятого-шестого класса. Их цзэмшовского шестого класса. А это было на несколько голов выше, чем уровень обычных музыкальных школ. Собственно, о Райцере в

ЦМШ уже были наслышаны старанием его педагога. Но явление в том же «потоке» еще одного, не менее одаренного, самородка было приятным сюрпризом. Приняты. Разумеется, приняты!

И с первого сентября следующего учебного года началось упорное «выстругивание» из первокласснейшего «исходного материала» первокласснейших звезд мирового уровня.

ЦМШ – Центральная музыкальная школа при Московской государственной консерватории – являлась уникальным в своем роде питомником по воспитанию музыкально-творческой элиты страны. По образцу и подобию ЦМШ при целом ряде ведущих консерваторий были созданы аналогичные музыкальные школы, призванные выявлять и обучать неординарно одаренных детей. Но если успехи всех остальных спецмузшкол и бывали временами значительными и впечатляющими – немалое количество выдающихся музыкантов поставил Ленинград, фантастический мировой успех выпал уже в восьмидесятые годы на долю воспитанников Новосибирской скрипичной школы, – по количественным показателям сравняться с Москвой никто не мог. Из стен Московской школы вышли десятки лауреатов и дипломантов престижнейших музыкальных конкурсов, народные и заслуженные артисты страны, профессора и доценты крупнейших консерваторий. И, разумеется, как и в любой другой полузакрытой для чужого проникновения сфере, в ЦМШ царил дух состязательности, избранности, конкурентной состоятельности. Естественно, никто и никогда не позволял себе высказывать эти постулаты вслух. Еще чего не хватало! Официальная социалистическая педагогическая доктрина, провозглашавшая всеобщее равенство в способностях и возможностях, никогда не согласилась бы признать реальностью особую одаренность отдельных индивидуумов. Отстаивать подобную позицию было равносильно откровенному антисоветизму. Кому же подобное могло прийти в голову? Да никому и не приходило! Широко практиковалась система умолчаний, недомолвок, иносказаний. Да и, справедливости ради, надо сказать, что педагоги были лишь косвенными и совсем не главными разжигателями страстей. В основном же инициатива в нагнетании «подковерной» напряженности исходила от родителей. «А о моей дочери профессор А. сказал...», «А моему мальчику профессор Б. пророчит...», «А профессор В. убежден, что через год-два мой сын...»

Ни Елена Владимировская, ни Евгения Райцер в этих дрызгах и сплетнях никогда не участвовали. И дело было не только в природной, естественной интеллигентности молодых женщин, но и в том, что их сыновья с безусловной очевидностью на голову превосходили и своих одноклассников, и многих более старших учащихся. И если могла идти речь о какой-то конкуренции, то только между ними. Но мальчишки дружили, а их мамам и в голову не приходило унижать себя какими-то завистливыми помыслами и высказываниями.

Широко распространенное мнение, что родители, в раннем детстве избравшие для своих юных талантливых чад узкопрофессиональную специализацию, во многом лишали их нормального детства, конечно же не лишено оснований. Но что поделаешь? Тут уж «или – или». Мировая планка достижений в творческих специальностях, в спорте, в научных дисциплинах поднята на такую невероятную высоту, что рассчитывать на выдающиеся результаты без полной отдачи своему делу – занятие гиблое и бесперспективное. Впрочем, и тут, как и в любом другом правиле, не обходится без исключений.

Первые годы в ЦМШ и Юра и Гера были заняты, казалось бы, совершенно одинаково: уроки, скрипка, домашние задания. Ни на что другое совершенно не оставалось времени. Но через некоторое время Юра с удивлением обнаружил, что Герка умудряется помимо скрипки заниматься и еще какими-то интересными вещами: то вдруг выяснилось, что он ходит в авиа-модельный кружок во Дворце пионеров, а дома кучу времени проводит за постройкой этих самых моделей, то он всерьез увлекся шахматами и начал посещать шахматную секцию – очень скоро стало ясно, что Юра в шахматах для него уже не партнер: слишком велик стал разрыв в классе игры; а то и того больше: часами Герка – взлохмаченный, взмыленный, возбужденный – гонял мяч на соседней спортивной площадке. Нет, он ничего не делал втайне от своего друга

и всегда приглашал Юрку принять участие в его очередной авантюре. Но Юра даже и представить себе не мог: как и откуда выкроить часы и минуты для каких-то лишних дел, когда и на регулярные занятия времени катастрофически не хватало.

Дальше – больше. Ни бурные всплески гормонов, ни показательное демонстрирование своей «взрослости» в подростковый период никто еще не отменял. И никакая талантливость не может служить панацеей от возрастных выходов. После затяжки первой сигаретой Юра с трудом сдержал приступ неимоверной тошноты, после первого стакана какого-то паршивого портвейна его долго и мучительно рвало в школьном туалете. А Герка – хоть бы что!

А еще были девчонки. Первые влюбленности, первые романы... И здесь Гера Райцер также был безусловным лидером. Если Юра переживал каждое свое увлечение – а особенно закончившееся очередной неудачей – долго и мучительно, то Гера ко всему относился легко и просто. Может быть, именно из-за этого девчонки липли к нему, как мухи на мед. И это ну не то чтобы раздражало, но казалось какой-то несправедливостью, что ли...

Вершиной Геркиных выкрутасов и причудой совершенно немыслимой для скрипача, ученика ЦМШ, стало занятие боксом. Предыстория была проста и элементарна. Однажды Герка заявился на уроки с огромным фингалом под глазом. Разумеется, учителям рассказывалась трогательная история о дверной ручке, о «поехавшей» на арбузной корке ноге и так далее и тому подобное. Но с Юркой-то он был вполне откровенен. «Прицепились вчера три подонка: „А ты чего это со скрипочкой? А почему ты такой рыжий? А что-то у тебя рожа вроде какая-то ненашенская?“ Ну и вмазали в конце концов. Все. Завтра начинаю заниматься боксом. Хочешь?» – «Ты с ума сошел! А скрипка? А руки?» – «Знаешь что, скрипка – скрипкой. Но чтобы каждая мерзость могла тебе разукрасить физиономию, а ты был бы в состоянии лишь разводить руками – это уже слишком! Не пойдешь? Ну как знаешь!»

Долго или нет продолжалось Геркино «боксерство» – Юра не знал. (В школе об этом, разумеется, кроме него, не слышала ни одна живая душа; узнали бы – трудно представить себе, какие бы крики и вопли начались.) Но непреложным фактом явилось то, что через какое-то время Гера стал держать себя еще увереннее и совершенно не склонен был шарахаться в сторону от каждой разнузданной подгулявшей компании.

Вероятно, именно тогда Юра Владимирский впервые осознал, что ведь он, пожалуй что, завидует своему другу. Нет, разумеется, речь не шла о профессиональных вопросах, здесь они настолько, что называется, шли «голова в голову», что поводов для зависти и ревности просто не могло возникнуть. Дело было в другом. Геркина раскрепощенность, какая-то внутренняя свобода, умение без комплексов пренебречь «святыми» музыкантскими постулатами – из них забота о сохранности и безопасности собственных рук была важнейшей – и при всем при этом умение добиваться выдающихся исполнительских результатов как-то заботили и даже нервировали.

Позже, уже в зрелом возрасте, прокручивая в памяти историю своей детской дружбы, Юрий Васильевич понял, что его зависть имела место с первого же дня знакомства и все последующие годы только усиливалась. Тут и общая благополучность семейства Райцеров, которая подсознательно давила на «безотцовщину» Владимирского, тут и очевидное превосходство в материальном достатке, тут и круг знакомств среди великих и знаменитых, которые для Геры были не народными и заслуженными, а просто «дядями Колями, Петями, Васями». Нет, Юрий Васильевич вовсе не был склонен увлекаться глубокими психоаналитическими исследованиями своих детских и юношеских воспоминаний. Но вещи, так сказать, очевидные смешно было бы отрицать.

А учебный процесс шел своим чередом. Экзамены и закрытые внутришкольные прослушивания перемежались с открытыми концертами, собиравшими великолепную прессу и восторженные отзывы почитателей. Белая рубашечка, пионерский галстук и синие шортики сменились на длинные брюки, роскошное жабо и бабочку. Сплошным потоком следовали

праздничные мероприятия: недели, декады, фестивали. Особняком стояли нередкие правительственные концерты. Причем если на одних из них исполнителей буквально закармливали бутербродами с нежнейшими ветчиной и бужениной, роскошнейшими балыками, изобилием красной и черной икры, то на других, казалось бы вполне аналогичных, с трудом можно было выпросить стакан воды в запертую комнату, а поход в туалет совершался чуть ли не по персональному разрешению министра внутренних дел.

Периодически случались и зарубежные гастроли. И если первая поездка – в Чехословакию – еще и вызвала какие-то яркие эмоции, то в дальнейшем визиты в «братские» страны (соответствующей терминологии успели научить быстро), Польшу и Болгарию, воспринимались уже как нечто рядовое и заурядное. Даже экзотические Индонезия и Бразилия никаких особых эмоций не вызвали. Ну прокатили на автобусе по улицам, ну рассказали там что-то... Ничего особенного! Из гостиницы – ни на шаг, всюду руководители, они же надсмотрщики... И что тут интересного? А лететь безумно долго и скучно. И ноги в тесноте туристского класса затекают.

Процесс поступления в консерваторию – для многих величайшее событие в жизни – прошел легко и безболезненно. Были сданы какие-то экзамены, формально были получены какие-то оценки, но все это не имело никакого значения, ибо зачисление Райцера и Владимирского в число студентов консерватории предreshилось еще много лет назад.

Единственным серьезным – и кардинальным – изменением в их жизни и обучении стали регулярные занятия с профессором Леонидом Борисовичем Коганом. Собственно, и раньше они считались его учениками. Но, как правило, перегруженный работой маэстро не слишком часто находил время для «малышних», доверяя этот процесс своим аспирантам и ассистентам. Ну разве что изредка, перед какими-нибудь особо ответственными выступлениями и концертами, он прослушивал свою «детвору» и вносил в их исполнение определенные коррективы. Отныне же мэтр включился в дело по-серьезному. И, выходя после некоторых уроков этого величайшего рыцаря музыки и скрипки, Юра, что называется, «не чуял под собой ног»; мастер погружал своих учеников в такие музыкальные глубины, делился такими откровениями, что о более великом и возвышенном невозможно было даже и мечтать.

А вскоре начались конкурсные страсти. При всем несовершенстве конкурсной системы, для молодого музыканта-исполнителя нет более прямого и простого пути к широкой мировой известности, чем успешное участие в международном конкурсе. Естественно, что в Советском Союзе, стране насквозь идеологизированной, каждый успех советского исполнителя рассматривался прежде всего с точки зрения убедительного доказательства преимуществ советского образа жизни. А подбор участников осуществлялся не в соответствии с пожеланиями музыкантов, а с учетом высокой государственной миссии, доверяемой исполнителям. «А нам на всех нужна одна победа...» Конечно же с этой точки зрения выставлять на один и тот же конкурс Райцера и Владимирского было нецелесообразно и даже, пожалуй, политически безответственно. Устраивать конкуренцию между своими? Абсурд! Этого и не делали. Владимирский прекрасно проявил себя на конкурсе имени Маргариты Лонг и Жака Тибо в Париже, Райцер великолепно «ответил» успешным выступлением на конкурсе королевы Елизаветы в Брюсселе. Владимирский паковал чемоданы для поездки в Геную на конкурс Паганини, Райцер готовился ехать в Польшу, в Познань, на конкурс имени Венявского...

Разумеется, традиционные ежедневные детские «посиделки» давно уже прекратились, превратившись в не столь частые, но по-прежнему теплые и сердечные дружеские встречи. Причиной этому послужил и «географический фактор» – после чуть ли не двадцати лет добросовестной работы театр наконец сподобился выделить Елене Васильевне двухкомнатную квартиру на Юго-Западе, забрав, естественно, в свою пользу их комнату на «Новокузнецкой»; расстояние неблизкое, конечно, массу времени начала пожирать дорога в центр и обратно, но для тех, кто прошел через все прелести коммунального сосуществования, не надо объяснять,

каким праздником для людей становились собственная кухня, собственные ванная и туалет. Теперь и у Юры наконец-то появилась возможность пригласить Герку в свою, персональную комнату. Вот только времени для подобных визитов – шутка ли, чуть ли не пол-Москвы надо пересечь – и у того и у другого становилось все меньше и меньше.

Но не редкость и краткость дружеских встреч стали той занозой, которая болезненно впиалась в сознание Владимирского. Гера Райцер жил какой-то своей, независимой и обособленной, жизнью, в подробности которой он категорически не желал посвящать товарища детских лет.

Однажды в коридоре консерватории Венька Файман, альтист с их курса, обращаясь к Райцеру, пробормотал пару фраз на каком-то странном, не похожем по звучанию ни на один из отпечатавшихся в звуковой памяти Владимирского языке. Герка ответил также несколькими гортанными словами. «Шалом!» – «Шалом!» И собеседники разошлись.

– Чего это вы? Жаргон какой-то особый изобрели...

Никогда прежде не случалось Юре Владимирскому видеть такой жесткости и озлобления во взгляде, которым наградил его в этот момент лучший друг детства!

– Это, чтоб ты знал, никакой не жаргон, а иврит, один из древнейших и важнейших мировых языков. И это язык моих предков. Я его учу.

– Да что ты! Извини! Я же не хотел тебя обидеть. Звучат все слова как-то странно... Ну сболтнул сдуру...

– А сдуру не надо болтать. Лучше сначала немного подумать. Ладно. Проехали.

И тем не менее первым, кому позвонил Владимирский после возвращения из Генуи, был именно Герка.

– Старичок, рад тебя слышать! Мы тут все в восторге от твоих успехов. Поздравляю!

– Спасибо. А что у тебя слышно? Когда в Познань?

– В Познань? Да на Венявского я, знаешь ли, не еду.

– Не понял? То есть как?

– Ну обстоятельства несколько изменились...

– Погоди-погоди... Что такое? Что произошло?

– Тебе как, официальную версию или реальный расклад?

– И то, и другое.

– Ну по официальной версии неверно была составлена заявка на участие в конкурсе, слишком поздно поданы документы на оформление визы, ну и так далее и тому подобное...

– Что-о-о?! Поляки отказывают тебе в визе?

– А почему бы и нет? Народная Польша – большое, независимое и совершенно самостоятельное государство. Кого хотят – впускают, кого нет – извините-подвиньтесь, дорогие друзья.

– Чушь какая-то! Ну а неофициально?

– А неофициально и того проще. Известно, что у поляков на этот раз нет никого достойного, кто мог бы прилично выступить на конкурсе. Да и состав иностранных участников довольно слабенький. И что же получается? Выходит, они собственными руками должны отдать победу какой-то жидовской морде?

– Гера, что ты городишь?!

– Юрочка, я понимаю, конечно, ты далек от всех этих проблем. Но, на всякий случай, чтоб ты знал: антисемитизм в Польше цветет махровым цветом, настолько, что они практически принудительно выслали из страны всех своих евреев. И тут является какой-то Райцер...

– Да ты-то тут при чем? Ты же по всем документам – русский.

– И еще одно заблуждение, Юрок. Как говорится, «бьют не по паспорту, а по роже». А уж более семитскую физиономию, чем у меня, поди поищи! Так что давай, старичок, готовься к конкурсу, кроме тебя, послать сегодня некого, а упускать престижные премии большевички ох как не любят.

- Герка, ты с ума сошел! Чтобы я вместо тебя... Ну, знаешь ли...
- А ты не горячись. Как там у ваших говорится? «Если партия прикажет, комсомол ответит: есть!»
- Мне почему-то кажется, что ты сегодня изо всех сил пытаешься меня обидеть и оскорбить.
- Ничего подобного! Как раз наоборот. Я тебя очень люблю и потому хотел бы предостеречь от необдуманных и опрометчивых шагов.
- Каких, например?
- Не надо из-за меня «лезть в бутылку» и ломать не только удачно складывающуюся карьеру, но, возможно, и всю свою жизнь.
- Договаривай, раз уже начал.
- Хорошо. Ты знаешь, что я с нашим квартетом не так давно ездил в Венгрию?
- Слышал. И что?
- А то, что на обратном пути кто-то из наших меня хорошо подставил.
- Каким образом?
- Таможня конечно же получила соответствующую наводку, перевернула весь мой чемодан и нашла пару-тройку книжек.
- Каких еще книжек?
- Да полная ерунда. Самоучители иврита для начинающих, грамматические пособия, таблицы ивритских глаголов...
- Та-ак...
- Этого хватило. Теперь мне приписан контрабандный провоз в СССР подрывной сионистской литературы. Обо всем доложено и в консерваторию, и в соответствующие инстанции. Так что отныне я, дорогой мой друг, и изгой, и пария. Не говоря уже о том, что, разумеется, «невъездной». За пределы Московской области пока еще выпускают – и за то спасибо.
- Гера, это же какой-то бред!
- Не скажи. «Они» так не считают. Ну все. Поговорили. На сегодня достаточно. Увидимся – потолкуем подробнее.

Первым, кого встретил Юрий на следующий день в консерватории, оказался секретарь комитета комсомола Лешка Фролов. Перст судьбы! Из всех соучеников не было более скользкой и неприятной личности, наиболее подходящей, чтобы сорвать злость и раздражение Владимирского после вчерашнего разговора с Геркой. Бездарнейший музыкант, но при этом умный, хитрый и прозорливый карьерист, Фролов давно уже поставил крест на своей виолончельной исполнительской судьбе, прекрасно понимая, что никаких лавров он тут стяжать не сумеет. Иное дело – общественно-политическая сфера. И здесь дипломатичному, ловкому и беспринципному Фролову не было равных.

Вот и сегодня, уловив каким-то шестым чувством возбужденное и неадекватное состояние Владимирского, Фролов ловко перехватил инициативу в разговоре:

- Юрка! Поздравляю! Говорят, ты был бесподобен!
- Спасибо.
- Ну вот теперь еще «возьмешь» Венявского – и прямая дорога на Чайковского.
- Какого-такого Венявского? В Познань едет Райцер.
- Э-э-э... Ты, я смотрю, несколько отключился от нашей здешней жизни. Ну что ж, буду первым, кто тебя обрадует. С тебя, кстати, причитается за добрую новость. Решением кафедры, партбюро, ученого совета – на Венявского едешь ты.
- На Венявского едет Райцер!
- Уже не едет. У него... С ним... В общем, с Райцером возникли некоторые проблемы.
- Какие еще проблемы?

– Все в свое время узнаешь. Я, кстати, именно тебя и разыскивал. Сегодня в одиннадцать подойдет один очень важный человек, который хотел бы с тобой встретиться.

– У меня в одиннадцать репетиция.

– Юра, это человек, из-за которого репетицию придется отменить. Ты меня понял?

– Нет.

– А жаль! Так в одиннадцать в комитете комсомола.

– Чего ты темнишь, а?

– Юра, в одиннадцать. А репетицию перенеси, переназначь на другое время, отмени, в конце концов. Ну я не знаю что... Что-нибудь сделай.

Дверь комитета комсомола Юрий открывал с каким-то тошным и муторным чувством. За столом секретаря сидел аккуратненько одетый малопримечательный человечек. Фролов, уступивший гостю свое руководящее кресло, как-то показательно суетился, создавая видимость несуществующей деятельности: перекладывал бумаги на столе, переставлял папки в шкафу...

– О! А вот и наш дорогой Юрочка! Ну я пойду, у меня сейчас семинар по научному коммунизму, а вы пока побеседуйте.

– Да-да, Алексей Петрович, вы свободны. – Человечек за столом произнес это каким-то необыкновенно высоким, писклявым, чуть ли не детским голосом, а от попытки придать себе при этом особую весомость и внушительность казалось, что его голос вот-вот и вообще сорвется на фальцет. – Прошу вас, Юрий Васильевич, присаживайтесь!

– Прошу вас, Юрий Васильевич. Прибыли! – Сережа, с шиком завернувший на уснащенную многочисленными запрещающими знаками стоянку, уже откровенно не скрывал своей антипатии к министерскому чинуше и обращался исключительно к Владимирскому.

Мощные прожекторы аэропорта Домодедово вполне успешно справлялись с кружащейся в воздухе снежной мутью, и казалось, что именно от напора этой световой массы неистовый ураган начинает терять свою неукротимую сокрушительность.

– Отлично, Сережа! Что у нас там со временем? – Это уже непосредственно к Николаю Родионовичу: – Семь минут до посадки? Замечательно. Успеем выпить по чашке кофе. – Владимирский, не застегивая свою роскошную шубу, лишь слегка запахнул и открыл дверь. – Кстати, Сережа, пока они тут вырулят, пока багаж, то да се – минут тридцать – сорок у нас есть. Вы бы не сидели тут в машине. Пройдите в VIP-зал, чаек-кофеек-бутербродик...

– Да у меня тут термос с собой, Юрий Васильевич.

– Чай в вашем термосе с утра давно уже остыл. А там вам заварят свежий. – И, покосившись на ничего не сказавшего, но как-то скривившегося Николая Родионовича, добавил: – Если кто-то там будет чем-то недоволен – скажите, что вы – гость народного артиста России Юрия Владимирского.

На конкурс имени Венявского он тогда все-таки поехал. И решающим фактором оказалось не настойчивое давление ректората, а сдержанный, спокойный, доверительный тон дружеской беседы с Леонидом Борисовичем.

– Видите ли, Юрочка, – устало прикрыв глаза, профессор как бы протер их стягивающим движением к переносице большого и третьего пальцев, – ваша позиция красива и благородна. Но, по большому счету, она неверна. Поверьте мне, любое государство – даже самое наидемократическое – накладывает определенные ограничения на действия своих граждан. Возможно, у нас количество этих ограничений – чрезмерно. Возможно. Но не считаться с ними мы не имеем права. Или же, если кто-то такое право себе присваивает, он должен знать, что в этот момент он вступает с государством в конфликт. Гера не мальчик. Он прекрасно понимал, что его поведение – с точки зрения государственных инстанций дерзкое и вызывающее – заметят и соответствующим образом прореагируют. Возможно, он не ожидал, что ему «перекроют кислород» так резко. Но в любом случае все свои поступки он совершал, что называется, «в здравом уме и твердой памяти». А реакция государственных органов – это не столько

репрессии, направленные непосредственно против Райцера – его, без долгих раздумий, просто моментально «выкинули из обоймы», – а прежде всего демонстрация для возможных будущих «ослушников» «державной» точки зрения: будете возникать, ребята, – знайте, чем это может кончиться. И никакая гениальность панацеей не послужит, талантов у нас, слава богу, хватает. Между прочим, это совершенно непосредственно относится именно к вам. Поезжайте в Познань, Юра. Программа конкурса у вас и выучена, и обыграна. Все будет хорошо. Ваше рыцарство в данной ситуации – неразумно и неуместно. А главное – оно бессмысленно.

Пожалуй, никогда еще за все время своих концертных и конкурсных выступлений Юрию не приходилось выходить на сцену с таким нежеланием, как это было в тот раз в Польше. Профессорское напутствие, разумеется, несколько поддержало общий эмоциональный тонус, но сказать, чтобы оно решительно сняло ощущение совершающегося ренегатства и предательства, никак было нельзя.

Играл он плохо. То есть была и прекрасная пресса, и кулуарные восторги. Но Владимирского давно уже не волновали все эти внешние проявления успеха. Главную оценку себе он ставил сам. И на этот раз оценка была неудовлетворительной. В последний момент среди участников конкурса объявился симпатичный, доброжелательный, улыбчивый канадец, не представлявший какого-то интереса как серьезный музыкант-интерпретатор, но великолепно подготовленный технически и «шпилюющий» виртуознейшие пассажи с завидной чистотой и легкостью. И Юрий был даже рад, что не он, а именно этот обаятельный парнишка стал в итоге победителем.

Звонок от Романа Михайловича – именно так отрекомендовался при первой встрече невзрачный, но безусловно значительный, а скорее всего, даже и страшный человечек с писклявым голосом – раздался через два-три дня после возвращения Владимирского из Познани.

– С приездом, Юрий Васильевич.

– Спасибо. Я надеюсь, вы не предполагали, что я попрошу политического убежища в Польше?

– Вы шутник, я смотрю, Юрий Васильевич. Разумеется, нет. Мне бы хотелось продолжить нашу беседу...

– Разве мы ее не завершили?

– Ну как же! Я ведь просил вас изложить ваши впечатления от многолетнего общения с Геральдом Райцером, вашу, так сказать, оценку этой личности, человеческую подоплеку столь долгой дружбы.

– Роман Михайлович, разве я не сказал вам тогда...

– Нет, Юрий Васильевич. Ничего определенного вы мне не сказали. Возможно, хотели сказать, но поостереглись. Но я вас понял и без слов. И вот сейчас отвечаю, честно и откровенно. Из вас, Юрий Васильевич, никто не собирается делать «стукача», так ведь в вашем творческом кругу называют наших информаторов? Так вот вы в этом плане не представляете для нас никакого интереса, уж извините. Живите спокойно, никто не собирается вас сковывать никакими кабальными обязательствами. Единственное, в чем я прошу вашей помощи, – посодействовать нам в воссоздании объективного и неформального психологического портрета вашего друга Геральда Райцера. И поверьте, что все это делается исключительно в его интересах. Если не возражаете, встретимся завтра, нет, лучше послезавтра, часиков, скажем, в десять, там же.

Пару листочков, набросанных Юрием, Роман Михайлович изучал долго и внимательно. Потер переносицу, вытянул губы, как-то причмокнул.

– Да, Юрий Васильевич, если все, что вы написали, рассматривать как характеристику на представление к Государственной премии, замечательно. И слог у вас, кстати, очень хороший. Но это совсем не то, что мне хотелось бы от вас получить. Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Подпишите, пожалуйста, ваше заявление.

– Я не делал никаких заявлений!

– Ну вашу информацию, если угодно. Юрий Васильевич, поверьте, про наше ведомство рассказывают массу сплетен и небылиц. Большая часть из них – злобные и досужие вымыслы. Мы работаем сугубо в рамках закона. А одно из основополагающих законных положений – категорическое неприятие анонимных сигналов и сообщений. Так что...

Юрий «подмахнул» свои листочки. Знать бы тогда, какую петлю на собственную шею он накидывает этой подписью!

– Спасибо. Вы свободны. Что же касается Райцера... Увы, мы все не смогли уберечь этого очень талантливого, но, к сожалению, запутавшегося в им же самим придуманных проблемах молодого человека.

– Уберечь? Что это значит?

– Некоторое время назад Райцер подал документы на выезд на постоянное место жительства в Израиль.

Что значила в то время формулировка: «выезд на постоянное место жительства» – объяснять не надо. С живым человеком прощались, фактически, как с покойником. Обрубались все контакты, все связи, все возможности к общению.

Несколько дней Владимирский упорно названивал по Геркиному номеру. Телефон отвечал занудливыми длинными гудками. В консерватории Райцер не появлялся. Разумеется, Юрий знал нескольких близких Геркиных приятелей из, так сказать, его еврейского круга. Но расспрашивать, задавать какие-то вопросы было и неуместно, и, пожалуй, даже как-то унижительно. «Старина, если Райцер не счел нужным информировать тебя сам – а ты ведь один из его ближайших друзей, – значит, так надо, значит, он считает это наиболее разумной позицией по отношению к тебе. Извини!»

Телефон откликнулся Геркиным голосом чуть ли не через три месяца:

– Юрка, спасибо, что позвонил.

– Что значит «позвонил»? Я вот уже несколько месяцев обрываю твой номер!

– Меня не было в Москве.

– А мама с папой?

– Они уже давно в Хайфе.

– А что у тебя?

– Ну так, возникли некоторые финансовые проблемы.

– Я могу помочь?

– Нет. Спасибо. Все уже разрешилось.

– А что, собственно?..

– Ну что... Скрипку из госколлекции у меня, разумеется, тут же отобрали. А я же не могу без инструмента, ты понимаешь. Купил за три тысячи какого-то неизвестного немецкого мастера середины восемнадцатого века, отличный экземпляр, должен тебе сказать. А когда пошел в Министерство культуры за разрешением на вывоз, мне этого неизвестного немца оценили в двенадцать тысяч. Папа, конечно, мне кое-что оставил, но не столько же. Вот и мотался по провинции с халтурами.

– Почему же ты мне не сказал?

– А ты что, уже миллионер?

– Ну нет, конечно, но что-то, как-то...

– Все, старик, этот вопрос уже закрыт.

– Герка, ты бросаешь консерваторию, уходишь от Когана?..

– Вот это больно. По-настоящему. Но, с другой стороны, он столько уже в нас вложил, что вполне пора начинать жить и собственными мозгами, и возможностями. А консерватория – это просто фигня. Обойдусь и без их бумажки. А если будет очень надо – так получу ее где-нибудь в другом месте.

– Так мы что, вот так вот: раз-два – и распрощались навсегда?

– Кое с кем, увы, да. Но только не с тобой, Юрок. Мир велик. Найдутся в нем точки, где мы с тобой еще неоднократно сможем пересечься. Если, разумеется, ты не будешь делать глупости и сумеешь остаться «для них» своим, благонадежным и, главное, «выездным».

– Герка...

– А поэтому, в надежде на будущие встречи на других, вольных и бесконтрольных широтах, давай сейчас не раздражать товарища майора. Как слышимость, кстати, товарищ майор? Все записали? Или что-нибудь надо повторить на «бис»? Юра, дорогой, еще раз спасибо за звонок, но, честное слово, ни звонить мне больше, ни тем более встречаться совершенно не нужно. Я уезжаю, но ты ведь остаешься. Пока, старик! Уверен, мы еще обязательно встретимся. Спасибо тебе за все и... Больших-больших и настоящих успехов!

По слухам, Гера еще неоднократно заглядывал в консерваторию, но увидеться им как-то не случилось. Через некоторое время пробежавший мимо по коридору Марик Рудницкий вдруг резко притормозил:

– Слушай, Владимирский. Герка послезавтра улетает. А завтра у себя дома устраивает «отвальную». Так что, если хочешь...

– Да меня, собственно, никто не приглашал.

– Ну, старина, на такие вещи не приглашают.

На следующий вечер Юрий сидел во дворе своего бывшего дома. Было тепло и приятно. Из распахнутых, ярко освещенных окон Геркиной квартиры доносилась музыка, какие-то неясные голоса, взрывы смеха. Дверь подъезда беспрерывно распахивалась: какие-то люди приходили, уходили... А какие-то, периодически сменяющиеся, как заметил Юрий, несли постоянную вахту во дворе, натужно и неестественно пытались создать видимость занятости какими-то своими делами: беседовали, перекуривали, даже перебрасывались в карточки. Владимирский сидел долго, до позднего вечера, до той поры, когда поток посетителей практически иссяк. Сидел, раздумывал, вспоминал, но... Так и не решился подняться в столь знакомую и любимую когда-то квартиру.

Ночь Юрий Васильевич провел паршиво и беспокойно. К утру окончательно сформировалось гадливое чувство презрения к самому себе за собственную трусость, за нерешительность, за боязнь и нежелание хоть в какой-то мере повредить своему благополучному существованию.

«А ведь я теперь всю жизнь буду себя за это презирать! В порт! Скорее в порт! Еще ведь не поздно!»

Но, разумеется, поймать такси удалось далеко не сразу. И когда наконец какой-то разбитой водила – великолепный психолог, как и большинство представителей этой удалой профессии, – уловивший крайне обостренные нервные импульсы, исходящие от потенциального клиента, заломил до Шереметьева совершенно несусветную сумму, Юрий согласился не торгуясь и ни о чем не сожалев.

Конечно же он опоздал. Рыжая Геркина шевелюра, золотящаяся в толпе пассажиров, вылетающих в Вену, находилась уже за границей.

– Герка! – приблизившись к фатальному барьеру, завопил Юрий.

– Молодой человек, не нарушайте общественный порядок на государственной границе! – Державная девица была само воплощение непоколебимости социалистических устоев.

– Гера!

– Молодой человек, еще один крик – и я вынуждена буду прибегнуть к помощи правоохранительных органов!

Кажется, он его услышал. Во всяком случае, прежде чем затеряться в сжатом пространстве «накопителя» – кому из доморощенных извратителей русского языка пришло в большую голову это идиотское название: «накопитель», – Райцер широко и размашисто покрутил пра-

вой рукой над головой. Ему? Или кому-то еще из провожающих? Этого Юрий Васильевич уже не узнал.

Ни в какой ВИП-зал Владимирский, к явному неудовольствию Николая Родионовича, не пошел.

– Юрий Васильевич, у нас же еще масса времени. Да потом, наши сотрудницы и встретят Райцера, и проводят его туда, где мы его будем ожидать. Чего нам толкаться в этом цыганском таборе?

Действительно, огромные, великолепно перестроенные и отремонтированные залы аэропорта напоминали какое-то первобытное кочевье. Толпы перемещающихся из стороны в сторону неудачливых пассажиров с отложенных рейсов пересекались в настолько закрученный человеческий водоворот, что напоминали толчею на самых центральных и загруженных станциях метро в часы пик.

Но у Владимирского, многократно облетевшего за свою жизнь не столь уж огромный земной шар, до сих пор сохранилось какое-то детское отношение к магии изрекаемых по ретрансляции – и не всегда, как правило, разборчиво – слов: «Произвел посадку самолет авиакомпании... следующий рейсом номер... из...» И, как опытейший авиапассажир, прекрасно понимая, что после посадки самолет еще долго будет кружить по вспомогательным дорожкам аэропорта, что ему потребуется время, чтобы «припарковаться» к своему трапу, заглушить двигатели, и лишь потом к выходу будут приглашены первые пассажиры, Юрий Васильевич, встречая кого-нибудь, всегда с удовольствием вливался в группу возбужденных, радостных, с нетерпением ожидающих свидания со своими родными и близкими людей, не будучи в состоянии подавить в себе бессмысленного желания поминутно поглядывать в сторону выхода.

Геркин прогноз об их скорой встрече на каких-то вольных широтах и меридианах не оправдался. Очень часто их гастрольные маршруты пролегли совсем рядом, но никогда не пересекались. И причиной этого были не злокозненные происки «большевистских агентов», а сугубо практические, финансовые соображения зарубежных антрепренеров, организаторов гастролей. Зачем, спрашивается, в одном и том же месте, в одно и то же время проводить концерты двух выдающихся звезд скрипичного искусства? Создавать ненужную конкуренцию? «Оттягивать» друг у друга потенциальных слушателей, готовых дважды выложить за билеты кругленькие суммы? Нет, серьезный бизнес так не делается.

Полтора десятка лет Райцер и Владимирский вообще не имели друг с другом никаких контактов. Позже, по мере развития общей перестроенной «гуманизации», объявились общие знакомые, снабдившие адресами, номерами телефонов. Перекинулись несколькими открыточками, пару раз с трудом отыскивали друг друга по телефону: дозвониться до людей, проводящих большую часть своей жизни в самолетах, – не просто даже и при мобильной связи. В последние годы начали изредка перебрасываться краткими сообщениями по Интернету. Но нет, не трудности в установлении связи и недостаток времени были главной причиной какой-то напряженной сдержанности этого общения. И оба это прекрасно понимали. Слишком разные жизни они прожили, слишком разными людьми стали за это время. И чтобы нащупать какие-то точки соприкосновения, обрести былое взаимопонимание – если оно и вообще возможно после столь долгого перерыва – конечно же нужна была личная встреча. И Владимирский ждал ее, ждал с радостью, волнением и тревогой.

Владимирский. А Райцер?

Потянулись первые пассажиры с лондонского рейса. Райцера не было. Странно. Обычно пассажиров первого класса приглашают к выходу в первую очередь, а Райцер летел именно первым классом. Когда количество прибывших перевалило за несколько десятков, Владимирский забеспокоился:

– Его до сих пор нет. Что бы это значило, Николай Родионович? Какие-то проблемы?

– Я же говорил вам, Юрий Васильевич, надо было, как всегда, воспользоваться услугами ВИП-зала, а не душиться тут в тесноте...

– Да-да. Вы конечно же правы. («Черт возьми! Почему эти серые чинуши так часто оказываются правыми в элементарных ситуациях? Возможно, именно потому, что как раз они-то эти ситуации и создают и, соответственно, превосходно в них ориентируются»). Николай Родионович, если вас не затруднит, проконтролируйте, пожалуйста, по своим каналам.

– Разумеется.

И значительный Николай Родионович направился к стеклянной двери со столь любезной всем обремененным особыми правами надписью: «Посторонним вход воспрещен!»

Но вельможного вмешательства Николая Родионовича не потребовалось, поскольку именно в этот момент в распахнувшихся створках выхода появилась знакомая, чуть-чуть сутулая фигура, с по-прежнему обильной шевелюрой, правда, уже не в роскошных рыже-золотистых переливах, а скорее в каком-то серо-пегом окрасе.

– Герка! Дорогой! Наконец-то!

– Здорово, Юрок! – Обнялись довольно неуклюже: одному мешал висящий на левом плече скрипичный футляр и элегантный, но довольно объемистый чемоданчик в правой руке, второму – совершенно ненужная и неуместная в прогретых помещениях аэропорта шуба. – Слушай, ну где же все эти ваши знаменитые переделки, перестройки, приобщения к нормальному цивилизованному миру? Я показываю этому парню на таможне страховой полис на скрипку, он выпучивает на меня дикие глаза, как будто я везу гранатомет в Кремль, начинает куда-то звонить, за кем-то бегать, являются еще трое ошалелых, и все плятятся на меня, как на сумасшедшего. Ну дорогая скрипка, не спорю, страховка – на четыре миллиона фунтов, а по-настоящему – она и вообще бесценна. Но что, таможенникам в международном аэропорту не объяснили, что некоторые музыкальные инструменты стоят очень дорого? И это не такое уж редкое явление. Как в глухом медвежьем углу, честное слово!

– Добро пожаловать в Россию, Геральд Викторович!

– А? Спасибо. А собственно, с кем имею честь?

– Гера, это Николай Родионович Попов, представитель Министерства культуры.

– Очень приятно. Ну пошли, что ли?

– Мистер Райцер, с возвращением на родину!

Ага, вот почему Владимирскому давно уже казалось, что в толпе встречающих он видит какие-то смутно знакомые ему лица. Журналисты. Молодцы, ребята. Не побоялись и не поленились пробиться через все непогоды.

– Спасибо. Пресса, я так понимаю?

– Разумеется.

– А что, разве до вас не дошли еще слухи, что Райцер – убежденный прессоненавистник, что он категорически отказывается от интервью и встреч с представителями средств массовой информации?

– Дошли, разумеется. – Эффектная блондинка, взявшая на себя инициативу в этом разговоре, ничуть не была смущена некоторой задиристостью мировой знаменитости. – Но ведь это касается общения с зарубежной прессой, а у себя дома...

– Ага, ага, понимаю. Ну, а уж раз мы разговариваем по-домашнему, попрошу обойтись безо всяких мистеров Джеральдов и мистеров Райцеров. В этой стране меня всегда звали Геральд, а еще точнее, Гера. А от наименования по отчеству я за время заграничной жизни и совсем отвык. Итак?

– Спасибо, Гера. Вы позволите так вас называть?..

– Разумеется, милая леди. Именно об этом я и просил. И чтобы у нас не возникло какое-то недопонимание, объясню: я, разумеется, никаким противником прессы не являюсь, более того, как и любой публичный человек, весьма и весьма заинтересован в плодотворном с ней

сотрудничестве. Возмущают и бесят меня глупые и бездарные вопросы, типа: «Ваши творческие планы?», «Над чем вы сейчас работаете?» Я не знаю, как на них отвечать. Как и у любого другого активно концертирующего музыканта, у меня расписан график выступлений на ближайшие три-четыре года. Работаю я постоянно и над классическим репертуаром – пределов совершенства в этом направлении нет, – во многом из того, что я играю уже десять – двадцать лет, я собой по-прежнему недоволен и постоянно продолжаю искать какие-то новые средства выразительности, ну и, разумеется, всегда заинтересован в знакомстве с малоизвестными пока что молодыми талантливыми авторами и их сочинениями. Я ответил на ваш вопрос?

– Ответили, очень интересно и содержательно, на вопрос, который, в общем-то, и задан не был. Тем не менее спасибо. А спросить я хотела совсем о другом. Вы, на сегодняшний день, вероятно, единственный из крупнейших мировых исполнителей, выросших и воспитанных в нашей стране, кто до сих пор ни разу за все эти годы не приезжал на родину. Это случайное стечение обстоятельств или принципиальная позиция, связанная с какой-то давней и до сих пор болезненной обидой?

– Поминать старинные обиды не будем. Они конечно же были. Но проблема не в этом. Меня, по большому счету, до сих пор никто серьезно и не приглашал. Было несколько суматошных звонков: «А не могли бы вы через два дня, через неделю?..» Это ведь детский сад, честное слово! Я бы с удовольствием выступил в Москве! Но ведь не ценой же перекурочивания всего своего давным-давно составленного концертного графика и выплат огромных неустоек!

– Тогда вопрос номер два. Возможно ли в будущем ваше возвращение в Россию или хотя бы более частые и регулярные приезды к нам с концертами?

– В вашем одном вопросе присутствуют сразу два, и ответов они требуют совершенно различных. Первое. Есть хорошая русская поговорка: «От добра добра не ищут». Нечто подобное по смыслу существует и у других народов, в других языках. Меня вполне устраивает мое положение в Великобритании: и творческое, и бытовое, и экономическое, устраивает и политическая атмосфера, существующая в стране. Не вижу никаких причин к тому, чтобы кардинально менять свою жизнь. И второе. Что уже зависит не только и не столько от меня. Если будут какие-то серьезные и интересные предложения, разумеется, я всегда готов их внимательнейшим образом рассмотреть и с удовольствием на них откликнуться.

– Господин Райцер... – Обритая наголо голова атлетически сложенного парня, пробивавшегося поближе со своим микрофоном, скорее должна была бы принадлежать спортивному комментатору, а не музыкальному критику, но чего не бывает на свете?

– Ну вот опять! Мы же договорились! Как там любили заклинать в первые годы грядущего социализма? «Господа все в Париже!» А если честно, ребятки, я чертовски устал. Вчера репетировали почти до полуночи, сегодня в восемь утра – в восемь! – представляете, чего стоило уговорить артистов Лондонского королевского, вопреки всем столь священным и незыблемым в Британии профсоюзным законам, на столь раннюю репетицию, – еще раз встретились на часок, потом этот затянувшийся полет...

– Если не секрет, что именно вы репетировали? – вновь поинтересовалась все та же активная блондинка.

– Увы, пока секрет. Я, знаете ли, человек суеверный. И пока не вынес на сцену какую-то новую работу, предпочитаю не говорить о ней. Посему предельно кратко: очень, на мой взгляд, интересное и талантливое произведение очень интересного и талантливого молодого литовца. Вот что... Юрий Васильевич, у нас с тобой завтра репетиция с одиннадцати до двух? Ну, я думаю, о Бетховене и Чайковском мы с тобой сумеем договориться значительно быстрее, чем за три часа. Как полагаешь? – И, получив утвердительный кивок Владимирского, продолжил: – Значит, так: закончим репетицию к часу тридцати – и полчаса для прессы. Идет? До завтра.

Через ВИП-зал проскочили не задерживаясь. Чемоданы Райцера под присмотром Сережи уже были доставлены к машине.

– Ого! А не жарко тут у вас! – Бежевое кашемировое пальто Райцера выглядело весьма элегантно, но вряд ли подходило для московской зимы, особенно в такую погоду, как сегодня.

– А ты бы еще в летней распашонке прилетел. Забыл уже, что ли? Ладно, подыщем тебе какой-нибудь тулупчик.

– Прошу, Геральд Викторович! – Сергей распахнул дверцу. – Проверьте, пожалуйста, чемоданы.

– Спасибо, молодой человек! Черт с ними, с чемоданами! Куда они денутся? Они же с фирменными бирками. Печку, печку, скорее печку... Ну вот, вот. Уже получше. Кстати, Юра, кто такая эта блондинка?

– Какая блондинка?

– Ну эта, которая всё вопросы задавала.

– Райцер, ты неисправим.

– Ничего подобного. Давным-давно успокоился и остепенился. Но вот ей бы я с удовольствием дал эксклюзивное, так сказать, интервью. А остальные – так вообще шли бы ко всем чертям.

– Кажется, она работает на радио «Эхо Москвы».

– Ага, ага. Это интересно.

– Тебе удобно? Скрипку не хочешь пристроить на сиденье?

– Ни в коем случае! Всегда вожу ее вот так, зажав коленями. На всякий случай, если, конечно, не сам за рулем. Но у меня в машине есть специальные крепления сзади.

– Отличный футляр. В Японии заказывал?

– Обижаешь. У нас в Лондоне ребята тоже кое-что умеют.

– «Страд» конечно же?

– Конечно. Интересно, как она тебе понравится. По мне, так ей вообще цены нет.

– Собственная?

– Ну как тебе сказать? Почти. На три четверти. Вот выплачу оставшиеся долги...

– О цене не спрашиваю.

– Да вполне приемлемая цена. Четыре миллиона – это же страховщики с ума сходят. Кстати, они почти на треть взвинтили стоимость страховки, узнав, что я еду в Россию.

– Чего это?

– Извините, ребята, уж такая у вас мафиозная репутация в мире.

– Господи, какая чушь!

– Не знаю, не знаю... Возможно, им виднее... Не так, как-то совсем не так, как это рисовалось в воображении, складывались эти первые минуты общения со старым товарищем. С одной стороны, они вроде бы перекидывались настолько непринужденными репликами, что как будто и не было этих долгих лет разлуки, с другой – Владимирский определенно ощущал какую-то неестественность и даже напряженность этого их ни к чему не обязывающего диалога. Возможно, присутствие посторонних... Разумеется! И конечно же не симпатичного и дружелюбного Сергея, к тому же хорошо знавшего свое место и обязанности, а этого надутого министерского бурдюка, Николая Родионовича!

– Кстати, парни, и где же я, по вашим планам, обрету место для преклонения головы? «Интурист», «Националь», или у вас за последние годы появилось еще что-то соответствующее?

– Видите ли, Геральд Викторович, этот вопрос мы очень тщательно продумывали в министерстве. Конечно, замечательных гостиниц в Москве сейчас немало. Но либо в подходящем номере нет рояля...

– Рояль? Да зачем, интересно, мне нужен рояль?

– Ну мало ли, вдруг понадобится. Или же номера оборудованы такими малюсенькими сейфами – только-только в пору разместить бумажник, папку с документами, но уж никак не

скрипку. И мы, посоветовавшись, пришли к выводу, что наилучшее решение – поместить вас в нашу гостевую квартиру на улице Неждановой. Она оборудована по самому высокому уровню, обслуживание – от «Интуриста», то есть вы можете без проблем делать любые заказы из ресторана, но, разумеется, есть и свои запасы легких закусок, холодильник, бар и так далее... Если вы не возражаете...

– Ну чего же мне возражать, если вы уже и посоветовались, и пришли к выводу? Так чего мы стоим?

– Греемся.

– Хватит греться. Вперед. В Москву!

ТУРЕЦКИЙ И АРТ-КРИМИНАЛ

Фойе Большого зала Московской консерватории имени Чайковского было переполнено. Публика на концерт заезжей знаменитости – всемирно известного скрипача Геральда Райцера – собралась самая разная. Начиная от студентов в свитерах «с катышками», неизвестно каким чудом раздобывших контрамарку, и заканчивая «новорусскими» дамами в несусветных туалетах. Преобладали все-таки респектабельные слушатели, или, правильнее сказать, «зрители», поскольку пришли они в большинстве своем скорее поглазеть на звездного гастролера, нежели насладиться волшебными звуками, которые тот извлекает из своего Страдивари.

Пара средних лет за столиком, за который они ловко проскользнули со своими бокалами вина из буфета, лишь только он, то есть столик, освободился, не относилась ни к студентам, ни к богатым. Не то средней руки бизнесмен с супругой, не то какие-то двое деятелей культуры – именно такое впечатление произвели бы они на стороннего наблюдателя. Типичные представители так называемого «среднего класса». На самом деле из двоих к культуре имела отношение только дама, моложавая шатенка в строгом, но элегантно платье, а интересный мужчина лет сорока пяти в костюме и при галстуке являлся государственным чиновником.

Это были первый помощник генпрокурора Российской Федерации, государственный советник юстиции третьего класса Александр Борисович Турецкий и его супруга Ирина Генриховна.

– Ну, Шурик, почему ты такой задумчивый? – спросила Ирина. – Неужели тебя напрягло первое отделение? Такая потрясающая музыка! И, конечно, Райцер – гениальный музыкант. Номер один в мире.

– Ну да, конечно, – пробурчал Турецкий, думая о чем-то своем.

– Что «конечно»? – поддела мужа Ирина. – Давай-давай, надо приобщаться к культуре, пока не поздно.

– Да я последние месяцы уже так приобщаюсь... Так приобщаюсь!

– Как это ты приобщаешься? – воскликнула Ирина Генриховна. – Ну-ка, Турецкий, колись, чем ты там занимаешься, пока я не вижу!

– Разрабатываю одно дело, – попытался отмахнуться Александр, но Ирина не отставала:

– Ну, Шурик! Расскажи! Ты никогда не рассказываешь о своих делах. Вечно секреты, государственная важность.

– Тебе правда интересно? – посмотрел на нее Турецкий. – А вот возьму да и расскажу.

– Ну расскажи!

– А вот и расскажу! – развеселился Александр. – На этот раз никаких особых секретов нет. А дело называется «арт-криминал». И касается как раз вашей культуры-мультуры.

– Дело в том, что за последние пятнадцать лет в России украдено предметов искусства на сумму... ты никогда не угадаешь – в миллиард долларов!

– Сколько? – охнула Ирина.

– Миллиард. Ты не ослышалась. Так вот, в последнее время российское искусство опутала настоящая криминальная аура. Связанная, кстати, не только с кражами. Уровень и методы бандитизма в этой сфере у нас такие, что коллекционерам и арт-дилерам впору нанимать себе телохранителей. А Россия в целом в скором времени может подняться на вершину мирового криминального арт-рынка.

– Неплохое начало!

– Понимаешь, раньше русское искусство было просто национальным достоянием, а потом вдруг оказалось, что это товар. Горячий товар. На него возник спрос, притом не только на аукционах, но и в криминальной среде.

– Так-так, это уже интересно.

– Картины, скульптуры и редкие ювелирные изделия стали средством вложения денег, предметами для спекуляций и мошенничества, а то и просто жесткого грабежа. Главное, что подпитывает криминал в сфере искусства, – это отсутствие четких правил арт-рынка.

Турецкий явно вошел в раж, он говорил как по писаному и все больше увлекался. Казалось, что одержимый своим предметом профессор читает с кафедры лекцию таким же увлеченным студентам. Глаза его загорелись. Приятно видеть, подумала Ирина Генриховна, как Шурик фанатично любит свою работу.

– Искусство, как ты сама знаешь, вещь субъективная, здесь многое решается на глазок, отношения строятся на личных контактах, а оценка произведений зависит от колебаний вкуса коллекционеров. При этом произведения искусства воруют. С течением времени изменился характер воровства, все чаще мы сталкиваемся с откровенным топорным грабежом. Типичный сценарий – обычный взлом музея и расчет на то, что охрана не среагирует оперативно.

Именно так грабанаули музей в Плесе. Ночью из окна вытащили пейзаж Шишкина. То же самое в Малоярославце, в Калуге, в Бородинском музее.

– Однако, – сказала Ирина.

– Из Московского госархива вор, используя – заметь – оборудование для скалолазания, вынес несколько памятных знаков и документов Третьего рейха.

– Фу, какая гадость!

– Гадость не гадость... Ты можешь как угодно относиться к Третьему рейху, я сам отношусь к нему так же, как и ты, но это – вещи, имеющие определенную историческую ценность. Ну и соответственно финансовую ценность тоже.

– Оборудование для скалолазания, говоришь? Ну-ну! Просто какие-то каскадерские трюки! Прямо как в кино.

– Да-да, Ирочка, чистое кино. А начало такого рода каскадерским трюкам положили похитители картин из Русского музея в Петербурге. Они разбили окно и вырезали две картины Перова. Так вот, говоря короче, старшему помощнику генпрокурора господину Турецкому, – Александр комично поклонился, – нашим дорогим и любимым Костей Меркуловым, именно им, и никем иным, была поставлена следующая задача: точными мазками нарисовать «картину преступности в сфере искусства».

– И старший помощник генпрокурора ретиво взялся за дело, – продолжила Ирина.

– Именно так. Помгенпрокурора Турецкий провел узкое совещание с генералами милиции Грязновым и Барановым. Турецкий распределил обязанности. И команда приступила к сбору информации. Пока же сотрудники выполняли его задание, сам господин Турецкий А. Б. углубился в криминальную сферу культуры.

– И что же он сделал, этот неугомонный Турецкий? – подмигнула Ирина Генриховна.

– А сделал твой любимый Турецкий вот что. Для начала он побывал в Федеральной таможенной службе и узнал о «шереметьевском деле». В столичном аэропорту Шереметьево только что пресечена попытка вывоза из России пяти икон конца девятнадцатого века.

– Ах икон! Ну это же классика жанра!

– Совершенно верно. Ценности сии были обнаружены в багаже гражданина Италии... – Александр не поленился полезть в карман за блокнотом.

– Да ладно, неважно, как его зовут, – сказала Ирина, но Турецкий сделал мягкий и величественный жест рукой, после чего продолжал:

– ...В багаже гражданина Италии Марчелло Читани, вылетающего в город-герой Милан. Перед этим наш уважаемый пассажир синьор Читани заявил, что у него якобы нет с собой товаров, подлежащих письменному декларированию. В общем, практически ежедневно происходят такие казусы. Но самое интересное не это. Самое интересное – не украденное, а подделанное искусство.

– Опа!

– Да-да. Итак, арт-криминал. В этой среде действуют свои законы, зависящие, между прочим, от экономики нашей страны. Главными методами воров и спекулянтов в конце 1980 – начале 1990-х годов была работа на Запад. Иконы и картины всеми возможными путями переправлялись за рубеж, где продавались по таким ценам, которые местный рынок предложить был не в состоянии. Это понятно. Но сегодня арт-криминалу выгодно уже работать на внутреннего потребителя. Этот «потребитель» за последние годы здорово разбогател, изменились и приоритеты. Если раньше охотились за иконами, то сегодня больше ценится живопись девятнадцатого века, поэтому под прицелом оказались провинциальные музеи, да еще и антиквары, занимающиеся этим искусством. Характерный пример, – продолжал Александр Борисович. – В 2001 году на антикварном рынке всплыла картина Генриха Семирадского «Утром на рынок», исчезнувшая из музея города Таганрога. Преступников тогда не нашли. Но! Александр сделал эффектную паузу и театрально опустошил свой бокал вина.

– Но? – переспросила Ирина Генриховна, принимая его игру.

– Та картина, которую обнаружили сейчас, явно расходится с музейной. Там есть такой мальчик... так вот, на теперешней картине мальчик изображен в сандалиях. А на прежней, музейной, никаких сандалий не было. Мелочь, а приятно! Это особая статья преступления – создание фальшивки. И уровень фальшивок таков, что наши эксперты их определить порой не в состоянии.

– А почему именно русская живопись девятнадцатого века?

– Ну мода, понимаешь, мода! Вот почему модно носить, – Александр поискал глазами и наконец ткнул рукой в платье Ирины, – это, а пышные платья, как в девятнадцатом веке, немодно? Мода! Именно фальшивые работы русских художников девятнадцатого века – последние веяния моды в среде криминала. Теперь жулики предпочитают не воровать, а создавать шедевры. На рынок попадают поддельные картины русских художников этого периода: Кушелева, Азовского. Преступники ввозят из-за рубежа западные картины художников второго плана и «переделяют» их под великих русских мастеров.

– Ловко, черт возьми!

– Хуже того... – Турецкий понизил голос: – Говорят...

– Что?

– Ну это уже, возможно, сплетни.

– Ой, Шурик, расскажи, пожалуйста.

– Говорят, – продолжил Александр драматическим шепотом, – что и в Кремле...

– Что? – шепотом «вскрикнула» Ирина.

– Короче, якобы самому Вадим Вадимычу подарили картину работы известного русского художника девятнадцатого века. Она теперь висит на видном месте в доме нового хозяина.

– Картина? – переспросила супруга.

– Ага. И «сам» с гордостью показывает ее своим гостям, а гости у него, как ты догадываешься, не совсем простые. Президенты и премьер-министры разные. И только на днях стало ясно, что картина эта, выдаваемая за шедевр русского классика, на проверку оказалась...

– Подделкой! – выдохнула Ирина.

– Совершенно верно! Более того, кое-кто еще из видных деятелей нашей страны попал в такой же переплет. Купленные и подаренные картины, по заключению экспертов, – умелые подделки!

– Вот это да! Это уже за гранью доступного!

– Вот именно.

– То есть на сегодняшний день иконы уже не крадут?

– Конечно, крадут. И не только иконы. Наши органы ведут поиски пятидесяти пяти тысяч украденных предметов – это четыре тысячи картин, тридцать семь – заметь! – тысяч икон и

полторы тысячи редких книг. А также ювелирные украшения, монеты, медали и, – Александр Борисович поднял палец, – музыкальные инструменты.

В этот момент прозвенел звонок, и толпа фланирующих зрителей-слушателей постепенно стала редеть.

– В Санкт-Петербурге из квартиры музыканта оркестра Мариинского театра похищен антикварный альт восемнадцатого века. Из Эрмитажа в 2001 году – картина французского художника девятнадцатого века Жана-Леона Жерома «Бассейн в гареме», оценивается в девятьсот тысяч долларов.

Ирина подняла глаза на Турецкого.

– Да-да. Девятьсот! Разыскивается и картина Малевича стоимостью два миллиона долларов, исчезла из частной коллекции десять лет назад. А в конце ноября прошлого года на таможне в Брянске у гражданина Украины, следовавшего поездом Москва – Киев, были изъяты три предмета старины конца девятнадцатого века на общую сумму сто семьдесят тысяч рублей.

– Тоже неплохо! По-своему талантливо.

– Да, недурно. Братина из сплава серебра, золота и бронзы, пресс-папье из серебра девятьсот одиннадцатой пробы, кулон, украшенный алмазами, и еще коробочка для хранения драгоценностей. Все предметы были тщательно подобраны друг к другу и вывозились явно на заказ.

Прозвенел второй звонок.

– Кстати о поездах. Я, Шурик, вспомнила одну историю.

– Так-так!

– Это мне одна моя коллега рассказывала. Короче, так. Жила-была советская семья: он – альтист, она – учительница литературы. Когда началась перестройка и все граждане принялись кататься туда-сюда, муж – его звали Гена – поехал в Германию и получил там место в оркестре, если не ошибаюсь – в Мюнхене.

– Понятно.

– Проблема в том, что он не мог вывезти свой альт.

– Он принадлежал ему или государству?

– Альт был его, купленный. Но по советским законам считался государственным достоянием, поскольку это был очень старый немецкий альт, девятнадцатого века. То есть вывезти семья его не могла.

– Очень интересно.

– Так вот, эта дама, по имени Лариса, когда ехала в гости к мужу в Мюнхен...

– А он уже был там? – переспросил Турецкий.

– Да, он подписал контракт и сразу же приступил к работе.

– Погоди, а на чем же он играл, если его альт был в Союзе?

– Боже ты мой, Шурик. Сразу видно, что ты не музыкант. Ну кто-то из коллег по оркестру дал ему на время инструмент. Это же дело житейское. У каждого уважающего себя оркестранта есть запасной инструмент.

– Так зачем же ему было вывозить альт?

– Как? Ну, во-первых, ему инструмент дали попользоваться, а вовсе не подарили. Во-вторых, это был его родной, любимый, привычный альт.

– Это имеет такое значение?

– Ну конечно! Свой инструмент – это как...

– Свой автомобиль?

– Гораздо больше. Это как друг. Как партнер, как муж или жена. Привычный, любимый, ты понимаешь его, а он понимает тебя и чувствует, когда тебе плохо.

– Так, это понятно, ну а в-третьих?

– Что «в-третьих»?

– Ты сказала «во-первых», «во-вторых»...

– А, ну да! В-третьих, его альт был просто объективно намного лучше, чем любой временный инструмент, который ему бы дали в оркестре.

– Я так догадываюсь, что финал твоей истории таков, что старинный альт благополучно вывезли контрабандой из СССР, и ты, жена помощника генпрокурора, неприкрыто сочувствуешь контрабандистам.

– Шурик! Прозвенел третий звонок.

– Ну так расскажи уже!

– Короче, кто-то надоумил Ларису. У нее было два красивых «фирменных» чемодана. В них внутри – ерунда, тряпки. А еще она взяла с собой в поезд старую, замызганную такую, хозяйственную сумку. На дно сумки положила альт, завернув в кухонное полотенце. А сверху набросала разную муру, которую обычно берут с собой в дорогу: жареную курицу в газете, какие-то вареные яйца, скорлупы накидала, разные обрывки и огрызки.

– Браво! Остроумно. Ну и что же?

– Ну, конечно, сумку с альтом на границе даже не открыли.

– И это мне рассказывает жена... Но история поучительная. Очень поучительная.

– Ой, Шурик, пойдем скорее, мы же на второе отделение опоздаем. Райцер будет играть концерт Чайковского – это должно быть что-то убийственное.

– В смысле?

– В смысле гениальности. Побежали! И респектабельная пара устремилась в концертный зал.

СКРИПАЧИ (продолжение)

Лишь в тот момент, когда, вытряхнув из плотного бумажного пакета, он аккуратно разложил на надгробной плите Леонида Борисовича Когана несколько заранее припасенных небольших иерусалимских камней, Райцер определенно почувствовал, что все-таки он не напрасно согласился на эту поездку. До сих пор многое из происходящего не только раздражало, но и по-настоящему злило: и чрезмерно затянувшийся полет, и тупая и надменная «проницательность» российских пограничников и таможенников, и надутая, самовлюбленная важность встречавшего его министерского хмыря...

Да и потом, разве же так он десятилетиями рисовал в воображении свое возвращение в Москву, в свой самый любимый и дорогой город? В Москву надо приезжать конечно же летом, и либо совсем рано, когда «утро красит нежным светом», либо ближе к вечеру, когда солнце, изломанное и уходящее, ослепительно отражается в окнах верхних этажей, или как это там с завораживающим волшебством в простых и обычных, казалось бы, словах изложено у Михаила Афанасьевича?

Но ночью, в метель, в пургу... Бр-р-р!..

Райцер с юных лет завоевал себе репутацию человека острого ума, стремительных словесных реакций, прагматичного, рационального, временами, возможно, даже излишне резковатого в своей саркастической ироничности. Подобный имидж его вполне устраивал, и он его всемерно поддерживал. Вторая составляющая его натуры – а здесь можно было обнаружить и чрезвычайную лиричность, и повышенную чувствительность, и даже некоторую сентиментальность – была глубочайшей личной тайной, в которую не допускались не только просто знакомые, но и самые близкие люди.

Впрочем, а были ли они у него вообще, эти самые близкие?

Со всеми женами – в официально оформленные браки Райцер вступал четырежды – отношения складывались непросто. Не являлась исключением и последняя супруга – золотуха швейцарка Анна-Роза, довольно успешно проявляющая себя на ниве театральной критики. Внешне у них все выглядело замечательно: эффектная, состоятельная, преуспевающая пара. Но Райцер прекрасно понимал, что их союз по-европейски, в котором на первый план выходили не естественные теплота и близость, а сугубо юридические отношения, взаимные обязательства, скрепленные брачным контрактом, не являлся тем прибежищем, которое могло бы стать спасительной опорой в трудную минуту. Ментальность! Да и к тому же разница в возрасте – восемнадцать лет – начинала уже ощущаться. Нет, пока еще не тяжело и болезненно, но все же...

С детьми – и того хуже. Две старшие дочери категорически отказывались от каких-либо контактов. С младшей и с сыном никаких явных конфликтов вроде бы не было, но и хоть какой-то, хоть самой мало-мальской близости между ними тоже не существовало.

Друзья... И здесь тоже все обстояло неоднозначно. Те, с кем прошла молодость, с кем тайком пробирались в Москве на конспиративные кружки иврита и еврейской истории, разлетелись по миру, многие из них – а это преимущественно были представители музыкантского круга – с откровенной завистью отнеслись к звездному взлету Райцера, полагая себя не менее значительными и талантливыми фигурами в музыкальном мире. Конечно, прошедшие десятилетия обогатили его массой знакомств и общений с выдающимися личностями. И не только среди музыкальной элиты, в которую он входил на равных правах и в которой ощущал себя естественно и непринужденно. Представители древнейших аристократических фамилий, вплоть до королевских особ, выдающиеся ученые, знаменитые актеры, писатели и конечно же музыканты, музыканты, музыканты... Блистательные знакомые! Но друзья ли?

– Что это значит? Как это понимать? – Владимирский с удивлением воззрился на выложенные Райцером светло-песочные камешки.

– Леонид Борисович был евреем, Юра. А у евреев принято возлагать на могилу камни, не цветы.

– Зачем же мы тогда... – Владимирский озадаченно сделал неопределенный жест в сторону двух прекрасных букетов роз, которые несколькими минутами раньше он тщательно уложил на им же очищенную от снега часть плиты возле памятника.

– Ничего страшного. Цветы – это тоже хорошо. Да и потом, в мире все давным-давно так перепуталось, что уже и в Израиле на кладбище приносят цветы. Но обязательно и камни, – и, усмехнувшись, добавил: – Во всяком случае, их никто не украдет и не перепродает.

(Припомнились рассуждения по дороге шофера Сережи, который, кстати, по просьбе Владимирского и ездил за этими самыми букетами, что, мол, сейчас зима, поэтому смело можно возлагать красивые и дорогие цветы, их сейчас же прихватит морозом, и никаких бомжей они уже не интересуют. А в ответ на недоуменную реплику Райцера тот же знаток жизни Сережа пояснил, что летом красивые букеты тут же крадут и перепродают по дешевке. «Боже мой, какая дичь!» – «Конечно, дичь, – охотно согласился Сережа, – но им-то что? Три-четыре букетика толкнул – смотришь, к вечеру на бутылку и набралось». – «И кто же у них покупает, если известно, что это цветы ворованные, с могил?» – «Кому известно, кому нет... Покупают. Недорого ведь». – «Ну и нравы, однако». Мудрец Сережа пожал плечами.)

– И что же, ты всегда возишь с собой запас камней? – хмыкнул Владимирский и, поняв по быстрому и колючему взгляду Райцера, что сболтнул что-то неуместное, стушевался: – Извини.

– Нет, конечно. Просто я пару недель назад, когда уже было ясно, что эта поездка в Москву состоится, был в Иерусалиме, ну вот и... Ладно. Все. Хватит. Поехали.

Конечно же вчера они засиделись с Юркой допоздна, ну, возможно, не так долго, как случилось по молодости, и тем не менее. Квартира была действительно хорошо оборудована, у них в России это называется почему-то «евроремонт». Министерский чинуша не обманул: нашлось и что выпить, и чем закусить. Ну да они-то теперь еще те питоки и едоки! Юрка на диете, после шести вечера вообще ничего не ест, Райцер тоже старается быть поумереннее. Ну а спиртное... Так, чисто символически. Все-таки завтра концерт.

И первое «фе», которое Геральд высказал своему другу, касалось именно концерта, вернее, его программы. Ну какой сумасшедший, скажите на милость, ставит в один вечер концерты Бетховена и Чайковского, произведения настолько разные и столь плохо совместимые, что это и для исполнителей, и для слушателей создает определенный эмоциональный дискомфорт. Дискуссия завершилась немного по простонародному принципу: «сам дурак». «Почему ты согласился?» – «Извини, но ведь и ты тоже!» В итоге порешили, что полными идиотами оказались юнесковские организаторы этого благотворительного концерта, которые сами ни черта не понимают в музыке, но считают возможным выступать не только инициаторами, но и, до какой-то степени, диктаторами в организуемых ими акциях.

Взаимное дружное охаивание далеких и неизвестных юнесковских функционеров вдруг почему-то необыкновенно сблизило. Пошел обычный тривиальный человеческий треп «за жизнь». Жены, дети... Владимирский в этом плане представлял каким-то идеальным образцом супружеского совершенства. Как женился на последних курсах консерватории на своей сокурснице, так и сохранил на всю жизнь верность этой юношеской влюбленности. «Что с мамой, Юра?» – «Увы, мама шесть лет назад „сгорела“ за считанные месяцы. Рак. А твой?» – «Стареют потихоньку. Папа сильно сдал за последние годы. А мама, тьфу-тьфу-тьфу, держится пока молодцом. Я купил им небольшой домик в новых районах Тверии, на горе. Оттуда потрясающий вид на Кинерет. Ну да ты вряд ли знаешь эти места». – «Обижает. Я там выступал». – «В Тверии?!» – «По линии русской православной миссии». – «А, ну если так. На обычный концерт в этой глухомани и двадцати человек не залучить».

Естественно и непринужденно разговор перешел на творческие вопросы. Выяснилось, что оба достаточно хорошо знают последние работы друг друга. Глобальная всеохватность средств массовой информации, оперативно выходящие большими тиражами на CD и DVD наиболее примечательные записи концертов крупнейших музыкантов мира без труда позволяли быть в курсе всего наиболее нового, достойного и значительного.

– Юра, дирижером ты стал действительно высококлассным. Каждая следующая твоя интерпретация и современных произведений, и уже затертого донельзя традиционного классического репертуара все более и более интересна, точна, выразительна.

Одно только меня огорчает: ты слишком мало стал выступать как скрипач-солист. А ведь в этой области ты по-прежнему непревзойден и, я уверен, далеко еще не сделал всего, что просто обязан сделать по своему мастерству и масштабу.

Щедро расточая искренние комплименты дирижерской и исполнительской деятельности Владимирского, Райцер сознательно уходил в сторону от каких-то оценок Юриных композиторских работ, ибо работы эти были, на его взгляд, малодостойны внимания: несамостоятельность, скованность, эклектичность. А заставить себя с похвалой отзываться о чем-то, что, в общем, казалось ему малоинтересным, Гера и в молодости не умел. Не научился он этой обтекаемой дипломатичности и за всю последующую жизнь. И уж кто-кто, а Юра прекрасно знал эту бескомпромиссную сдержанность друга детства и прекрасно понял, что скрывается за умолчанием его композиторских начинаний.

– Герка, оркестром я заболел по-серьезному. Все-таки, как бы мы ни восхищались и ни восторгались своим исполнительством, более могучего и совершенного музыкального инструмента, чем оркестр, нет. Ну а сольные выступления... Нет, ты неправ, я играю не так уж и мало. Но сам понимаешь, времени на все катастрофически не хватает, занимаюсь я сейчас далеко не так регулярно, как привык делать всю жизнь. А отсюда иногда и излишнее волнение на сцене, нет, не скажу, что какая-то неуверенность, этого пока еще, слава богу, нет, но, что называется, знаешь свои грехи. Что-то недоучил, что-то не успел повторить, перепроверить... И это конечно же создает некоторую напряженность.

С каждой минутой их встречи атмосфера становилась все более дружелюбной и теплой.

– Ну похвастайся уже наконец своим «Страдом». Футляр открывали почти что священнодействуя.

Владимирский извлек скрипку, долго, пристально и нежно, как какую-то неземную и нереальную красоту, изучал инструмент глазами, прежде чем позволил себе приблизить скрипку к подбородку и извлечь первые звуки. Он не исполнял что-то определенное и законченное. Отдельные пассажи и мелодии, переходы из регистра в регистр, он «дегустировал» и наслаждался...

– Старик, я могу тебя только поздравить. Это действительно необыкновенный инструмент. Возможно, один из лучших, созданных стариком Антонио.

– Нравится? Да что там говорить! Я и сам от него без ума.

– Невероятная глубина, мощь и благородство внизу и нечто изысканнейшее в верхних регистрах. Фантастика!

– Между прочим, сегодня не только я, но и эта скрипка вернулась в Россию после многолетнего отсутствия.

– То есть?

– Ну ты же, разумеется, не меньше меня наслышан о бесчисленных легендах, связанных со многими скрипками Страдивари, об их невероятных историях, приключениях и злоключениях...

– Естественно.

– У тебя в руках – инструмент, невероятным чудом уцелевший в годы революции и Гражданской войны, прошедший через несколько фронтов, через бесчисленные переходы власти

из рук в руки – а каждая из них предпочитала начинать свою деятельность с однообразной триады: крушить, ломать, убивать, – через обстрелы, погромы, пожары... Ну, в общем, что тут говорить? Ужасы истории России двадцатого века давно уже ни для кого не секрет.

– Ладно, это... А скрипка?

– Скрипка... Скрипка вроде бы была приобретена во Франции и привезена в Россию в середине девятнадцатого века кем-то из семейства Юсуповых, кем-то не из представителей основной княжеской ветви, а из отдаленных родственников.

– Ну-ну...

– А вывез ее из Крыма в конце Гражданской войны некий штабс-капитан... Грушин, Грушевский, Грушицкий... Ей-богу, не помню его имени. Какая-то фруктовая фамилия. Где-то у меня это записано...

– Может быть, Грушницкий?

– Не надо! Михаила Юрьевича я всегда очень любил. Да и сейчас, признаться, нередко перечитываю с большим удовольствием. Если бы это точно была фамилия лермонтовского персонажа, уж как-нибудь я запомнил бы ее с первого раза и безо всяких записей!

– Ну-ну-ну-ну...

– Был ли этот офицер действительным владельцем скрипки или, так сказать, сумел прибрать к рукам нечто, оказавшееся в той мясорубке бесхозным, – этого никто не знает и никогда уже не узнает.

– Ну дальше, дальше...

– А что дальше? Капитан прошел обычный для беглецов того времени путь. Стамбул. Белград. Париж. Но поскольку когда-то в юности он то ли учился в Англии, то ли просто жил там некоторое время и прилично знал английский, целью его одиссеи были Британские острова. С невероятными сложностями и лишь по прошествии немалого количества лет он своей цели добился. Но хорошее знание языка золотых россыпей ему не обеспечило. Бедствовал, перебивался случайными заработками, ну все, через что прошли многие русские офицеры. Скрипку, однако, хранил. И даже в самые черные дни не делал попыток продать ее. Возможно, это действительно была какая-то семейная реликвия и вещь чрезвычайно дорогая для него по каким-то ностальгическим соображениям, а возможно, что тоже представляется вполне реальным, он опасался, что нищий, выставивший на продажу столь дорогой коллекционный предмет, сразу же окажется под подозрением у британских властей. А они, особенно если дело касается эмигрантов, в таких вопросах шутить не любят. В конце концов нашему изгнаннику повезло. Ему удалось устроиться шофером к лорду Нэшвиллу. Судя по всему, он служил добросовестно, ибо лорд Нэшвилл был вовсе не из числа альтруистов, которые из гуманистических соображений терпели бы у себя на службе оболтусов и разгильдяев.

– Слушай, это уже готовый авантюрный роман!

– Подожди. Еще не все. Через какое-то время наш капитан показал лорду свое сокровище. Нэшвилл, сам немного игравший, пришел в ужас, ибо состояние скрипки после стольких передраг было критическим. Необходима была срочная и, разумеется, дорогостоящая реставрация, на которую у капитана, естественно, средств не было. Тогда лорд убедил этого самого Грушина продать ему инструмент, нашел замечательных мастеров, вложил очень солидные средства и... В общем, скрипка была спасена.

– Потрясающе! Ну а капитан...

– А что капитан? Получив в руки не слишком большую, но для него гигантскую сумму, капитан начал погуливать. Сделал серьезную аварию, рассорился с Нэшвиллом, был уволен и... покатился. Несколько месяцев спустя его нашли в каком-то сомнительном кабаке, конечно же без денег и с ножом в груди.

– А скрипка осталась у лорда?

– Естественно. Он же ее купил на совершенно законных основаниях, оплатил экспертизу, оформил паспорт... Ну проделал все, как полагается.

– Но предыдущая история...

– Знаешь, нотариально заверенной фразы: «Документы утеряны во время революции в России», я полагаю, было вполне достаточно, тем более что заинтересованным лицом являлся не кто-нибудь, а британский лорд.

– Ну а ты...

– Лорд с супругой присутствовали на моем первом концерте в Лондоне. Ему в то время было уже далеко за восемьдесят, но как он выглядел, как держался!.. Настоящий аристократ! Леди Элизабет, кстати, моложе его более чем на тридцать лет. По-видимому, чем-то я им приглянулся.

– Неудивительно!

– Ладно тебе! Последовало приглашение на уикэнд в их замок, и после кофе лорд познакомил меня со своей красавицей. И не только познакомил, но и предложил играть на ней. Причем совершенно безвозмездно. Даже страховку продолжал сам оплачивать. Знаешь, в то время у меня тоже был Страдивари от Чикагского фонда, замечательный инструмент, но это чудо...

– Можешь не объяснять.

– Ну и вот с тех пор мы вместе. Лорд скончался несколько лет назад. В завещании никаких особых распоряжений о скрипке не оказалось, она как бы автоматически перешла во владение леди Элизабет. Эта невероятная женщина порывалась было подарить мне инструмент, но, ты понимаешь, я чувствовал бы себя последним жуликом, если бы согласился принять такой фантастический подарок, тем более зная, что леди испытывает финансовые затруднения и даже выставляет на аукционы кое-что из семейных реликвий. Так что я буквально уговорил ее продать мне скрипку. Конечно, сумма, которую я смог ей предложить, значительно скромнее того, что можно было бы выручить на аукционных торгах, но она и ее пыталась еще уменьшить. Но тут уже я был тверд. Вот такая вот история, Юрочка.

– Да, действительно нечто исключительное. Помолчали минуту-другую.

– Герка...

– Угу... Ну что?

– Знаешь, у меня вопрос... вероятно, нескромный, наверняка нетактичный, но...

– Ну давай-давай, чего уж там!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.